

2467

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ—БЕЗБОРОДКО.

NEW YORK
1862.

МАРТЪ.

18
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕВА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лнн., № 25.

ХИВИНСКІЕ ДѢЛА СЪ 1839 — 1842.

I.

Экспедиція въ Хиву Перовскаго.

1839 — 1840.

Со времени экспедиціи въ Хиву князя Бековича Черкаскаго, принятой по повелѣнію Петра Великаго въ 1717 году, русское правительство до 1839 года не предпринимало военныхъ поисковъ на это ханство, огражденное отъ нашихъ вторженій голодными степями. Предпринятая въ томъ году экспедиція кончилась, если не такъ трагически, какъ предпріятіе Петра, то за то была также неудачна. Между тѣмъ объ этой экспедиціи ничего не было сообщено, если не считать коротенькой статьи, помѣщенной года три тому назадъ въ Библіотекѣ для чтенія въ отдѣлѣ «Смѣси».

Имѣя подъ руками матеріалы, мы составили изъ нихъ предлагаемую статью въ полной увѣренности, что какъ бы ни была она не-совершенна, все-таки уже по своему внутреннему содержанію, независимо отъ внѣшнихъ формъ, не можетъ не быть интересною и поучительною.

Предварительно мы считаемъ необходимымъ сказать хотя нѣсколько словъ о нашихъ сношеніяхъ съ среднею Азіею вообще.

Долина Аму-Дарьи, бывшая когда-то разсадникомъ цивилизаціи,

давно уже утратила свое прежнее значеніе. Ховарезмъ пережилъ свою ученую славу; цвѣтушіе когда-то города замѣнились кочевками полудикаго народа, а вѣроломство и коварство замѣнили гостепріимство и радушіе, которыя восхвалялъ въ жителяхъ Ховарезма арабскій географъ X вѣка (*).

Чингизъ-Ханъ, оскорбленный владѣтелемъ Ховарезма, разгромилъ царство Алла-Эдина и проложилъ Батыю дорогу въ Россію. По смерти Чингиза, Ховарезмъ составилъ часть Джагатаева улуса, который обнялъ собою южную полосу западной Сибири, долину рѣки Или, скаты западной оконечности Тянь-Шаня и Белуртагскаго хребта, наконецъ все пространство къ сѣверо-востоку отъ южной окраины долины рѣки Аму-Дарьи.

Междоусобія снова раздѣлили это громадное царство, и только въ началѣ XV вѣка Тамерлану еще разъ удалось на короткое время сдѣлать среднюю часть Аму-Дарьи средоточіемъ полусвѣтной монархіи.

Явившееся турецкое племя Узбековъ, пользуясь раздорами въ Ховарезмѣ, захватило тамъ власть и внесло туда нѣчто въ родѣ нашей удѣльной системы. Главою этого удѣльнаго царства номинально считался бухарскій эмиръ; безпрестанные же набѣги, производившіеся на Бухару со стороны другихъ владѣльцевъ, фактически опровергали номинальное значеніе эмира.

Набѣги эти особенно усилились въ XVII вѣкѣ со стороны Хивы, которая однако въ началѣ XVIII вѣка была поработчена Бухарою.

Въ 1740 годахъ Хивинцы провозгласили своимъ ханомъ Нуръ-Али. Въ 1750 годахъ вступилъ на ханство Кайиъ, по происхожденію Киргизъ, а по рожденію сынъ киргизскаго Батыръ-султана.

Впрочемъ всѣ родословные списки хановъ, по словамъ г. Ханькова, далеко не могутъ быть названы совершенно вѣрными и точными. Только съ конца XVIII вѣка, когда Россія вступила въ частыя сношенія съ Хивою, можно уже безошибочно слѣдить за родословною хивинскихъ хановъ.

По имѣющимся даннымъ, можно заключить, что въ теченіе всего XVIII вѣка, Хива не представляла даже признака государственнаго устройства, и что все низовье Аму-Дарьи находилось подъ владѣтельствомъ нѣсколькихъ отдѣльных общинъ, управляемыхъ собственными старшинами; сѣверныя общины номинально считались въ зависимости

(*) Аль-Истархи.

отъ владѣльца кунградскаго, а южныя—отъ хивинскаго, смѣняя, впрочемъ, владѣльцевъ этихъ по производу.

Въ концѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству Муравьева, нѣкто Эль-Тезеръ завладѣлъ управленіемъ въ Хивѣ и женившись, не смотря на простое происхожденіе свое, вопреки мѣстному обычаю, на двушкѣ изъ рода ходжей, то есть потомковъ Магомета, присвоилъ себѣ титулъ хана. Упрочивъ власть внутри своего удѣла крайнею жестокостію, онъ вознамѣрился заявить свою независимость отъ бухарскаго хана и предпринялъ противъ него походъ. Однако ханъ этотъ утонулъ при переправѣ черезъ Аму-Дарью. Слабый преемникъ его Кутли Мурадъ снова ограничился титуломъ инаха и номинальною властію надъ мѣстными родоначальниками. Но примѣръ Эль-Тезера возбудилъ желаніе подражать ему въ младшемъ братѣ его Мугамедъ Рахимѣ, который, убивъ Кутлу Мурада и другаго соперника, двоюроднаго брата своего, не только подчинилъ своей власти все низовье Аму-Дарьи до Аральскаго моря, но положилъ начало вліянію Хивы на сосѣднихъ Киргизовъ и Туркменъ, и возобновилъ признаки внутренняго гражданскаго устройства въ своихъ владѣніяхъ.

Вслѣдствіе неудачнаго похода противъ Бухары, Мугамедъ Рахимъ долженъ былъ признать временно зависимость свою отъ бухарскаго эмира; но зависимость эта была впрочемъ только номинальною.

Въ эпоху Мугамедъ Рахима, въ 1825 году, хивинское ханство уже представляло одно политическое цѣлое, на дѣлѣ подчиненное хивинскому владѣльцу. При сынѣ Мугамедъ Рахима, Алла Кулѣ и была предпринята экспедиція въ Хиву, которая составляетъ предметъ нашего разсказа.

О значеніи средней Азіи для Россіи мы не будемъ подробно распространяться; желающій поближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, можетъ обратиться къ статьѣ г. Ханыкова, помѣщенной въ запискахъ географическаго общества за 1851 годъ, изъ которой мы заимствуемъ нѣкоторые данныя, и къ сочиненіямъ Рычкова. Здѣсь же считаемъ не лишнимъ сказать въ нѣсколькихъ словахъ о сношеніяхъ Россіи съ средне-азіатскими владѣніями.

Торговый путь въ Россію съ береговъ Аму-Дарьи былъ проложенъ уже въ VIII вѣкѣ, о чемъ свидѣлствуютъ найденныя у насъ того времени монеты Мавръ-Эль-Награ. Владычество Татаръ въ Россіи еще ближе ознакомило Ховарезмцевъ съ разными частями нашего отечества, въ особенности потому, что въ первую эпоху татарскаго

ига, Ховарезмцы являются главными и самыми страшными откупщиками татарской дани.

Въ 1364 году лѣтописцы уже упоминаютъ о присутствіи въ Нижнемъ Новгородѣ многочисленныхъ хивинскихъ и бухарскихъ торговцевъ, а съ паденіемъ Астрахани и Казани хивинскіе, бухарскіе и тамаркандскіе владѣльцы уже присылаютъ къ московскому двору посланцевъ, прося покровительства своимъ торговцамъ.

Московскіе государи охотно принимали этихъ посланцевъ и поощряли торговыя сношенія съ среднею Азією. Но какъ московскій дворъ, такъ и европейцы имѣли въ виду не среднюю Азію, а лежащую за нею Индію.

Уже въ 1469 году тверской торговецъ, Аѳонасій Никитинъ проѣхалъ изъ Россіи до столицы султана хорасанскаго. На пути онъ два раза былъ ограбленъ астраханскими Татарами.

Въ 1553 году пріѣхалъ въ Москву отъ султана Бабера Индѣецъ съ грамотою, въ которой Баберъ предлагалъ московскому государю братство и дружбу.

Стремленіе къ поддержанію и развитію торговыхъ сношеній съ среднею Азією продолжались и послѣ Ивана Грознаго.

Въ 1620 году отправленъ былъ къ бухарскому эмиру дворянинъ Иванъ Даниловъ Хохловъ, которому, кромѣ торговыхъ порученій, предписано было развѣдать о находящихся въ Бухарѣ русскихъ плѣнныхъ и въ особенности объ именитыхъ дворянахъ... «Когда бухарскій ханъ пригласитъ его къ себѣ за столъ, сказано было въ инструкціи, то требовать, чтобы другихъ пословъ въ то время не было, а если они будутъ, то чтобы ему сидѣть выше ихъ».

Въ 1646 году Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Бухару съ разными товарами и съ извѣстительною о восшествіи своемъ на престолъ грамотою купчину Аниса Грибова, который, однако, по случаю междоусобія въ Бухаріи, остался торговать въ Персіи, откуда и послалъ грамоту бухарскому эмиру. Кромѣ того Алексѣй Михайловичъ два раза назначалъ пословъ къ шаху персидскому и великому моголу, но оба раза Шахъ—Абасъ II отказывался пропустить этихъ пословъ въ Индію; оба раза имѣлось въ виду, между прочимъ, собрать возможные свѣдѣнія о пути въ Индію.

Въ 1669 году отправлены были посланцы въ Хиву и Бухару. Въ Хиву былъ назначенъ боярскій сынъ Иванъ Ѳедотовъ, который съ честью былъ принятъ ханомъ и получилъ дозволеніе отъ хана

сѣздить въ важнѣйшіе торговыя города ханства. Личный обзоръ хивинской промышленности и торговли убѣдилъ Оедотова въ томъ, что «россійскаго государства торговымъ людямъ отъ тѣхъ товаровъ большія прибыли и пожитковъ не чаятъ».

Въ Бухару же былъ отправленъ Борисъ и Семень Пазухины. Они успѣли освободить только 9 русскихъ плѣнниковъ. Вслѣдствіе полученнаго наказа, Пазухинъ, по возвращеніи своемъ въ Москву, представилъ подробное извѣстіе о пути въ Индію.

По полученіи свѣдѣній объ этомъ пути, въ 1675 году былъ отправленъ изъ Астрахани съ грамотою къ великому моголу астраханецъ Исупъ Касымовъ; въ Бухару же былъ посланъ въ этомъ году Даудовъ. Исупъ доѣхалъ до Кабула, но великій моголь не пожелалъ имѣть сношеній съ Россією и выслалъ изъ Кабула Касимова, который выкупилъ изъ неволи 40 плѣнниковъ.

Въ грамотѣ, данной Даудову, напоминалось хану обѣщаніе его Пазухину отпустить русскихъ плѣнныхъ съ первымъ будущимъ царскимъ посланникомъ. Эмиръ согласился отпустить съ Даудовымъ только 5 человекъ русскихъ плѣнныхъ и обѣщалъ отправить къ русскому царю своихъ пословъ, а вмѣстѣ съ нимъ безденежно отпустить еще 20 плѣнниковъ. Возвращаясь въ Россію, Даудовъ выкупилъ въ Хивѣ и Бухарѣ русскихъ невольниковъ 33 человекъ, которые, съ доставленіемъ ихъ въ Россію, стоили 1114 рублей.

Въ 1700 году, когда Хива была въ зависимости отъ Бухары, ханъ хивинскій Шаніязъ, желая освободиться отъ бухарскаго эмира, отправилъ пословъ своихъ къ Петру Великому, прося о принятіи Хивы въ подданство Россіи. На это послѣдовало соизволеніе Петра, который 30 іюня 1700 года послалъ хану грамоту.

Черезъ три года прибылъ въ Россію посланецъ отъ хивинскаго хана Арапъ-Магомета съ грамотою, въ которой было подтверждено признаніе Хивы въ подданствѣ Россіи, а въ 1717 году предпринята была несчастная экспедиція Бековича—Черкасскаго, погибшаго въ Хивѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Въ 1729 году прибылъ въ Россію посолъ отъ бухарскаго и хивинскаго хановъ и предъявилъ просьбы о возстановленіи по прежнему торговыхъ сношеній съ Хивою, прерванныхъ вслѣдствіе убіенія Бековича. Сношенія эти уже разрѣшены были еще при Екатеринѣ, а именно указомъ 1727 года.

Въ 1730 году малая киргизская орда приняла подданство Россіи,

а въ 1731 отправленъ былъ съ торговымъ караваномъ въ Хиву и Бухару артиллеріи полковникъ Гарберъ. Однако караванъ его былъ разграбленъ недалеко за Ураломъ, а самъ Гарберъ вернулся обратно.

Въ 1739 году киргизскій султанъ Абуль-Хаиръ просилъ Анну Юанновну о построении ему города близъ устьевъ р. Сыръ-Дарьи. Вслѣдствіе этой просьбы отправлены были туда и въ Хиву два русскихіхъ офицера: Гладышевъ и Муравинъ. Въ слѣдующемъ году сынъ Абуль-Хаира Нуръ-Али былъ избранъ хивинскимъ ханомъ. Поэтому къ нему въ 1742 г., какъ къ русскому подданному, былъ посланъ присяжный листъ.

Между тѣмъ, тотчасъ же по заложении оренбургской линіи, основатель ея Кириловъ составилъ проектъ о сношеніяхъ нашихъ съ Индіею черезъ Аральское море, Аму-Дарью и Сыръ-Дарью (*) Преемникъ Кирилова, Неплюевъ представилъ полный проектъ «какіе способы могутъ послужить къ распространенію оренбургской коммерціи въ Бухаріи до Индіи». Проектъ этотъ былъ одобренъ и для заведенія торгова съ Индіею дана была на 15 лѣтъ привилегія торговой компаніи, составленной изъ нѣсколькихъ оренбургскихъ купцовъ. Одинъ изъ нихъ въ 1750 году отправилъ въ Индію для опыта два небольшіе каравана съ товарами на 8000 р. Но, кажется, на этомъ и остановилось все дѣло компаніи.

Въ 1753 году въ Хивѣ былъ купецъ Рукавкинъ, путешествіе котораго напечатано въ Московскомъ Мѣсяцесловѣ 1776 года, а въ 1754 году, для выручки задержаннаго въ Хивѣ русскаго каравана, были посланы туда Гуллевъ и Чучеловъ, которые въ 1775 году вернулись обратно и представили письменныя свѣдѣнія.

При Екатеринѣ, въ 1793 г. былъ посланъ по просьбѣ самаго хивинскаго хана, для излеченія его родственника отъ глазной болѣзни, докторъ Бланкеннагель. Не смотря на удачное леченіе, докторъ этотъ едва не поплатился жизнью и только, благодаря угрозамъ Екатерины и преданности Туркменъ, успѣлъ спастись отъ смерти.

Въ 1800 году отправлены были въ Ташкентъ Бурнашевъ и Поспѣловъ. Путешествіе ихъ напечатано (**). Черезъ три года отправился по порученію правительства въ Бухару поручикъ Говердовскій, который, дойдя до Аральскаго моря, былъ ограбленъ Киргизами и

(*) П. С. З., т. IX, № 6576.

(**) В. геогр. об., часть I, кн. 2-я, 1831 г.

вернулся назадъ. Затѣмъ въ средней Азій были: въ 1813 году—Назаровъ въ Коканѣ, въ 1818—Субханкуловъ въ Хивѣ и купецъ Гогулинъ въ Бухарѣ; въ 1819—Бекчуринъ и Муравьевъ въ Хивѣ, а Мейендорфъ въ Бухарѣ. Въ 1824 году былъ отправленъ вооруженный караванъ подъ начальствомъ полковника Цюлковскаго. На пути за Сыръ-Дарьею въ 1825 году караванъ этотъ былъ разграбленъ и вернулся обратно въ Орскую крѣпость. Въ 1835 году отправился въ Бухару съ караваномъ, въ качествѣ путешественника, прапорщикъ Виткевичъ, который въ январѣ 1836 года прибылъ въ Бухару, а въ апрѣлѣ обратно вернулся въ Орскъ.

Изъ этого очерка нашихъ сношеній съ среднею Азіею вообще можно видѣть, что, несмотря на то, что сношенія наши съ Хивою начались очень рано, тѣмъ не менѣе онѣ никогда не были особенно дружескими. Безпрестанные посланцы хивинскаго хана привозили въ Россію подарки, изъявляли отъ имени своего хана преданность Россіи, а между тѣмъ правительство хивинское не упускало ни одного случая, для того чтобы ограбить караванъ, захватить Русскихъ въ плѣнъ, волновать Киргизовъ и т. п.

Но Хивинцы не довольствовались только оскорбленіемъ однихъ посылаемыхъ русскимъ правительствомъ въ Хиву; они, кромѣ того захватывали Русскихъ въ степи и содержали ихъ въ тяжкомъ рабствѣ. При посредствѣ Киргизовъ и въ особенности Туркменъ они цѣлыми кучами захватывали нашихъ рыбопромышленниковъ на Каспійскомъ морѣ, брали въ плѣнъ даже съ самой линіи, привозили плѣнниковъ въ Хиву и здѣсь, нерѣдко при участіи самаго хана публично продавали ихъ въ рабство. Такимъ образомъ въ 1835 году въ Хивѣ насчитывалось уже до тысячи нашихъ плѣнниковъ.

Такъ какъ переговоры не достигали никакой цѣли, то очевидно, необходимо было принять какія нибудь рѣшительныя мѣры.

Поэтому въ 1836 году въ Оренбургѣ и въ Астрахани задержаны были возвращавшіеся съ нижегородской ярмарки хивинскіе купцы съ ихъ товарами, и въ то же время было объявлено хивинскому хану, что купцы эти не иначе будутъ освобождены, какъ по отпускѣ изъ Хивы всѣхъ томившихся тамъ въ неволѣ Русскихъ и по совершенномъ прекращеніи явныхъ и тайныхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій.

Внезапное прекращеніе торговыхъ сношеній съ Россіею нанесло чувствительный ударъ хивинскому ханству. Цѣна всѣхъ привозныхъ

мануфактурныхъ издѣлій возвысилась тамъ на 15%, а цѣна сырыхъ матеріаловъ на 90%; хивинскія же произведенія упали на 50%.

Несмотря однако на то, хивинскій ханъ Алла Куль медлилъ исполненіемъ справедливыхъ требованій и все еще полагалъ, что разными хитростями успѣетъ отвратить грозившую ему опасность.

Въ 1837 году присланы были наконецъ 25 русскихъ плѣнниковъ и значительные подарки. Это однако ни мало не имѣло вліянія на наши дѣйствія. Подарки были отвергнуты, арестъ съ купцовъ и товаровъ ихъ не снятъ, а требованія наши возобновлены еще съ большею настойчивостью. Все это однако не имѣло никакого успѣха.

Очевидно, что дальнѣйшая медленность и нерѣшительность съ нашей стороны была бы выраженіемъ робости, которая только удвоила бы наглость и дерзость Хивинцевъ. Поэтому рѣшено было наказать Хивинцевъ оружіемъ и Перовскій получилъ повелѣніе двинуться съ отрядомъ войска на Хиву.

Повидимому можно было смѣло рассчитывать на успѣхъ предпріятія. Достоверно было, что когда послѣ нападенія Хивинцевъ зимою съ 1824—1825 годъ на вооруженный караванъ нашъ, въ слѣдующую зиму отправлена была ученая экспедиція къ Аральскому морю подъ начальствомъ полковника Берга, то въ Хивѣ уже были сдѣланы всѣ приготовленія для поднесенія Русскимъ городскихъ ключей. Плѣнники наши увѣряли единодушно, что уже были отлиты золотые ключи.

Кромѣ того, со времени задержанія у насъ хивинскаго каравана и прекращенія торговли, нужда и бѣдность въ Хивѣ значительно возрасли, и ханъ, лишившись доходовъ своихъ, сталъ взимать съ Туркменъ, которые уже неоднократно просили нашего покровительства, и ближайшихъ къ Хивѣ Киргизъ довольно стѣснительныя подати. Наконецъ, въ Хивѣ и въ степи существуетъ давнишнее повѣрье, что Хива погибнетъ отъ русскаго оружія въ то время, когда воды Аму-Дарьи станутъ снова разливаться до стараго Ургенча, покинутого въ давнія времена по недостатку въ водѣ. Между тѣмъ, въ то время залитъ Аму-Дарьи дѣйствительно сталъ снова наполняться, въ Куны-Ургенчи стали селиться жители и народъ съ трепетомъ ожидалъ исполненія послѣдней части предсказанія.

Всѣ эти обстоятельства заставили Перовскаго полагать, что можетъ быть даже Киргизы и Туркмены разграбили бы Хиву еще прежде, чѣмъ отрядъ нашъ успѣлъ бы подойти къ ней.

Вооруженная экспедиція въ Хиву была первымъ обширнымъ пред-

пріятіемъ съ нашей стороны послѣ неудачнаго похода князя Бековича-Черкаскаго въ 1717 году. Громадныя приготовленія къ ней и неудача, зависѣвшая отъ причинъ, которыхъ невозможно было предотвратить человѣческою дѣятельностью, заслуживаютъ вниманія. Но предварительно полнаго описанія этой несчастной экспедиціи намъ кажется не лишнимъ познакомить читателя съ страной, чрезъ которую приходилось идти нашимъ войскамъ, и которая по своему степному характеру представляетъ много оригинальнаго.

Степь оренбургская подходитъ почти къ самому Оренбургу. Верховье и среднее теченіе Урала служитъ ей естественною границею; отсюда къ югу на цѣлыя тысячи верстъ до самаго хребта Эльбурсъ, отдѣляющаго среднюю Азію отъ Персіи, тянется совершенно безлѣсная однообразная равнина. Въ началѣ, по степнымъ притокамъ Урала: Ори, Илеку, Хобдѣ встрѣчается еще почва, способная къ воздѣлыванію; мѣстами здѣсь попадаются даже черноземъ; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ ощутительнѣе становится безплодіе; за Эмбою начинаются одни пески и солончаки.

Вся мѣстность, занимаемая степью и простирающаяся на 850,000 квадратныхъ верстъ, за исключеніемъ Мугоджарскихъ и Джабыкъ-Карагайскихъ горъ, представляетъ обширную равнину, не вездѣ впрочемъ одинакаго свойства. Сѣверная часть ея существенно разнится отъ южной, а перешеекъ, отдѣляющій Каспійское море отъ Аральскаго, имѣетъ свой особенный характеръ. Въ киргизскихъ степяхъ вообще нѣтъ большихъ рѣкъ, за исключеніемъ Урала и Сыръ-Дарьи, текущихъ на ея предѣлахъ; маленькихъ же рѣкъ, сравнительно съ пространствомъ, весьма не много, да и тѣ чрезвычайно маловодны и многія изъ нихъ во время жаровъ пересыхаютъ. Кромѣ того нѣкоторыя рѣки имѣютъ иногда воду горькосоленую и потому негодную для употребленія. То же можно сказать и объ озерахъ киргизской степи.

Сѣверная часть степи, или бассейны рѣкъ Тобола, верхняго и средняго Урала и отчасти озера Челкара, довольно удобна. Здѣсь протекаетъ много рѣчекъ съ хорошею водою и есть даже небольшія прѣсныя озера, или вѣрнѣе, впадины съ снѣговою водою; по берегамъ рѣчекъ разстилаются поемные луга, а самая степь покрыта слоємъ чернозема, на которомъ растетъ ковыль, составляющій отличительный признакъ плодородія степной почвы. Въ сѣверной части степи встрѣчаются даже лѣса, какъ лиственные, такъ и строевые

основные, но пространства, покрытыя ими, весьма незначительны въ сравненіи со всею степью.

Обозначить предѣль удобной степи съ юга нѣтъ никакой возможности, потому что удобная или плодородная степь переходитъ въ бесплодную, имѣющую солонцеватую почву, не вдругъ, а постепенно.

Южная часть степи представляетъ совершенно другія свойства, чѣмъ сѣверная. Отъ притоковъ нижняго Урала, имѣющихъ большую частью воду солоноватую, до самой Сары-Су не встрѣчается ни рѣкъ, ни прѣсныхъ озеръ, а въ оврагахъ вода находится иногда только въ плесахъ и часто бываетъ негодная для употребленія. Среди южныхъ степей лежатъ пески и солончаки.

Солончаки состоятъ изъ сѣроватаго, соленого ила и бываютъ сухіе и мокрые—соленыя грязи, которыя образовались отъ высушки соленыхъ озеръ покинутыхъ мѣстами при убыли и отступленіи моря въ нынѣшніе его предѣлы. Это можно видѣть на топкихъ берегахъ Каспійскаго моря и донинѣ. Небольшія грязи и сухіе солонцы образуются иногда и оттого, что снѣговая и дождевая вода, стекая съ высотъ, выщелачиваетъ на пути своемъ изъ илу соль и уноситъ ее на низменное мѣсто. Эта соль состоитъ изъ смѣси разныхъ солей; но горькая соль принадлежитъ къ главнѣйшимъ составнымъ ея частямъ.

Иные солончаки въ продолженіе лѣта пересыхаютъ и представляютъ въ такомъ случаѣ твердый грунтъ, на которомъ копыты лошадей не оставляютъ даже слѣдовъ; другіе, напротивъ, и во время самыхъ сильныхъ жаровъ представляютъ все тѣже непроходимыя топи. Вѣроятно это зависитъ отъ свойства составныхъ частей; но вообще соленыя грязи сохнутъ медленно. Не легко также онѣ зимою замерзаютъ; иные мерзнутъ скорѣе, но профессоръ Эверсманъ видѣлъ соленыя грязи, которыя при 28° Реом. были еще совершенно топки и непроходимы.

Солонцы бываютъ обыкновенно вовсе голы, только по крайнѣ или берегамъ поростають они разными солянками.

Солонцы расположились гораздо привольнѣе песковъ въ киргизскихъ степяхъ. Отъ горько-соленыхъ бассейновъ Каспія, Арала и Балхаша они широкими полосами врываются въ глубь материка и только горныя хребты и значительныя возвышенія въ немногихъ мѣстахъ разъединяють ихъ. Въ степяхъ Малой Орды, они облегчаютъ караванные пути въ Хиву и наполнивъ сухими солончаками почти

всю равнину между р. Ураломъ и р. Сагызомъ, поглащаютъ воды р. Улу-Уила, недопуская ихъ до моря. Далѣе переходятъ они на р. Сагызъ и на устьѣ р. Эмбы и тамъ поддерживаютъ существованіе густыхъ камышей, которые своимъ ежегоднымъ разрушеніемъ и произрастеніемъ способствуютъ обмеленію рѣкъ и распространенію безплодной суши на счетъ рыбнаго моря. За Эмбой они болѣе или менѣе топкими рукавами прорѣзываютъ всю низменную стѣнь, расположенную между лѣвымъ берегомъ этой рѣки и сѣверными обрывами Усть-Урта, образуя у самаго подножія горъ солонцеватыхъ болота, каковы напримѣръ Чушка-Куль, Донгузъ-Тау и др., — потомъ, проликая за Мугоджары и даже на плоскую высь Усть-Урта, облегаютъ цѣлью болѣе или менѣе соленыхъ озеръ всю западную окраину большихъ Барсуковъ. На ю. отсюда, соединяются они съ топкими солонцами, охраняющими сѣверный берегъ Аральскаго моря отъ песковъ и, подвигаясь все на сѣверъ, образуютъ обширный тонкій заливъ между малыми Барсуками и Кара-Кумомъ, обгибаютъ Сары-Чеганакъ и, соединяясь на востокъ довольно широкою полосою проточныхъ солонцевъ, теряются на югѣ въ камышистыхъ и тонкихъ берегахъ дельты р. Сыра. Дальнѣйшее восточное ихъ направленіе въ точности неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія, что они чрезъ оз. Теле и рѣку Чу, состоятъ въ соединеніи съ третьимъ большимъ бассейномъ горькосоленой воды киргизскихъ степей, съ озеромъ Балхашъ. Тонкость солонцовъ и болотъ представляетъ значительныя препятствія, какъ для слѣдованія каравановъ и отрядовъ, такъ и для сообщенія Киргизовъ между собою. Тонкіе солончаки эти, подобные тундрамъ, сверху въ видѣ коры имѣютъ вязкій грунтъ, а чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе воды. Берега ихъ обыкновенно бываютъ тверды, но чѣмъ ближе къ срединѣ, тѣмъ они становятся непроходимѣе; такіе солончаки простираются иногда на 20 и болѣе верстъ и проходимы въ немногихъ только мѣстахъ.

Песчанныя степи и холмы, называемые у Киргизовъ просто кумъ, т. е. песокъ, состоятъ изъ сыпучаго песку, который образуетъ грядами расположенные холмы и пригорки. Вѣтеръ разноситъ и пересыпаетъ пески эти съ мѣста на мѣсто, отчего и самые холмы безпрестанно измѣняютъ видъ и положеніе свое. Они извѣстны казакамъ подъ именемъ бархановъ. Пески встрѣчаются только въ южныхъ степяхъ; въ сѣверныхъ степяхъ они вѣроятно уже заросли и покрылись черноземомъ, но крайней мѣрѣ сыпучихъ песковъ на сѣверѣ вовсе нѣтъ.

Пески можно раздѣлить на два разряда: первобытные и наносные. Первые, будучи скрѣплены корнями травъ и мелкихъ кустарниковъ, служащихъ хорошимъ кормомъ для овецъ, лошадей и верблюдовъ, представляютъ весьма много удобствъ для кочеванія; тѣмъ болѣе, что просачивающаяся вода находится въ нихъ обыкновенно на незначительной глубинѣ; между такими песками встрѣчаются иногда прекрасныя луговые мѣста, и по этимъ пескамъ растутъ преимущественно камышъ, терсекенъ, сагызъ, елебекъ, кіякъ, чій, акъ-чій, сютъ-тугунъ, ржаникъ и ковыль. Вторые, имѣя по преимуществу глинисто-солонцеватое основаніе, безпрестаннымъ движеніемъ своимъ не позволяютъ корнямъ растений въ нихъ укрѣпляться и не имѣютъ достаточно плотности, чтобы слои ихъ могли предохранить скопляющіеся подъ ними запасы воды отъ испаренія. Поэтому Киргизы удаляются въ нихъ неохотно и называютъ ихъ Яманъ-Кумъ и Батканъ-Кумъ, т. е. дурные и вязкіе пески; самые высокіе изъ этихъ песчаныхъ бугровъ большею частью обнажены.

Сыпучіе пески степи большею частью обильны водою: почти всюду въ долинахъ, между песчаными холмами, легко рыть колодцы и вода показывается не глубже нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности земли; въ пескахъ же встрѣчается самая значительная флора.

Движенія отрядовъ чрезвычайно затруднительны въ пескахъ перваго рода, колеса врѣзываются по ступицу, а ноги вязнутъ; въ пескахъ же втораго рода—движенія довольно свободны.

Пески, какъ сказано выше, встрѣчаются только въ южныхъ степяхъ; замѣчательнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: сѣверный берегъ Аральскаго моря обложенъ песками, которые тремя вѣтвями вдаются въ солонцы, отдѣляющіе ихъ отъ него; западная довольно широкая вѣтвь, называется *Большіе-Барсуки*, лѣтомъ и зимою можно тутъ найти кочевья Киргизовъ; средняя вѣтвь, упирающаяся узкою полоскою въ заливъ Перовскаго, называется *Малыми-Барсуками* и представляютъ менѣе удобствъ къ кочеванью, наконецъ восточная, подходящая къ рѣкѣ Иргизу, въ 30 верстахъ южнѣе урочища Кара-Куга, не имѣетъ одного общаго имени, а въ разныхъ мѣстахъ называется по урочищамъ, тамъ находящимся. Узкая полоса солонцовъ отдѣляетъ эти пески отъ песковъ *Кара-Кумъ*, которыми занятъ весь уголь, составляемый правымъ берегомъ р. Сыръ-Дарья и восточнымъ берегомъ Аральскаго моря. Невысокіе холмы, покрывающіе ихъ, поросли тамарискомъ и саксауломъ; въ долинахъ при частыхъ копаньяхъ и колодцахъ,

попадаютъ хорошія травы, вблизи же Аральскаго моря они становятся безплодными и сыпучими, и безводными вблизи Сыръ-Дарьи. За рѣкою Куванъ-Дарьею находятся огромные пески *Кызылъ-Кумъ*, отдѣляющіе эту рѣку отъ Бухарскихъ владѣній. Сѣверо-восточная часть Кара-Кума, подходящая довольно близко къ предгоріямъ Улу-Тау, называется *Арысъ-Кумъ*.

Всѣ эти пески лежатъ на известковой породѣ и, по всей вѣроятности, образовались изъ вывѣтрившейся своей подстилки. Это обстоятельство объясняетъ, отчего эти пески такъ обильны водою. Въ твердой, глинистой, степной почвѣ ни одному Киргизу не придетъ въ голову рыть колодезь, если нѣтъ особыхъ признаковъ воды; въ пескахъ, напротивъ, по ложинамъ, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, всегда можно найти воду, удобную для питья, которая только отзывается немного сѣро-водороднымъ газомъ. Но если такой колодезь постоятъ нѣсколько дней или недѣль, и особенно безъ употребленія, то вода дѣлается соленою, горькою и вовсе негодною. По этой причинѣ колодцы или ямы эти Киргизами безпрестанно возобновляются. Въ пескахъ глубокихъ Киргизы оплетаютъ стѣны колодцевъ вѣтвями гребенщика, саксаула, корнями джузгуна и другихъ кустоватыхъ травъ и даютъ имъ узкія отверстія. Въ твердыхъ пескахъ, лежащихъ тонкими слоями и часто на солонцеватомъ грунтѣ, копани бывають величиною въ квадратную сажень и менѣе, а стѣны прямо, ничѣмъ не оплетены.

Колодцы и копаны, дабы воду ихъ сдѣлать годною для употребленія проходящаго отряда, необходимо должно прежде очистить, вычерпывая изъ нихъ всю воду и вынимая со дна порядочный слой земли отъ времени, и особенно въ дождь и весною, обваливавшейся. Къ тому же вода въ нихъ задыхается весьма скоро, получаетъ горечь, дурной запахъ и превращается въ густой красный настой, наполненный наѣкомыми и инфузоріями. Не только люди, но лошади и даже верблюды страдаютъ жестокими болями въ желудкѣ и кровавыми поносами отъ употребленія такой воды. Очистка же копани не представляетъ большихъ затрудненій. Рѣдко потребно для этого болѣе часа и стоитъ только открыть свободный путь ключамъ, какъ свѣжая вода набѣжитъ весьма скоро.

Пески, лежащіе по сую сторону рѣки Сыра, Кара-Кумъ, Барсуки и проч. содержатъ воду довольно близко къ поверхности на $1\frac{1}{2}$ или 2 аршина; пески же по ту сторону Сыра, какъ на примѣръ Кызылъ-

кумъ, и пески на пути отъ Хивы въ Бухару почти вовсе безводны, что чрезвычайно затрудняетъ ходъ каравановъ и кочеваніе по этимъ мѣстамъ.

Луговые мѣста въ Киргизской степи находятся преимущественно по долинамъ рѣкъ, а болѣе или менѣе пространство ими занимаемое зависитъ отъ разливовъ весеннихъ водъ и отъ широты долинъ, вдоль которыхъ тянутся луговые берега. Эти заливы или поемы здѣсь вообще гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Европы, потому что здѣсь весна бываетъ, какъ говорится, дружныѣ: снѣгъ, накопившійся въ продолженіи 5 мѣсяцевъ и растаявъ въ теченіе немногихъ недѣль, внезапно превращаетъ небольшіе ручьи въ стремительные потоки. Обыкновенно бываютъ весною два разлива въ здѣшнемъ краѣ: первый, меньшій, непосредственно по вскрытіи рѣкъ отъ ближайшей снѣговой воды, текущей кругомъ съ береговъ; второй значительнѣйшій, 2 или 3 недѣли позже, отъ такъ называемой простолудинами земляной воды—это также снѣговая вода бѣгущая уже съ горъ, гдѣ оттепель бываетъ позднѣе. Второй разливъ идетъ иногда огромною волной и занимаетъ луга на ширину нѣсколькихъ верстъ въ теченіе немногихъ часовъ. При этомъ разливѣ гибнетъ множество животныхъ и въ особенности зайцевъ.

Перешеекъ, отдѣляющій Аральское море отъ Каспійскаго, состоитъ изъ плоской возвышенности Усть-Уртъ, имѣющей около 600 футъ высоты надъ поверхностью обоихъ морей. Усть-Уртъ очерчивается крутымъ, обрывистымъ и не вездѣ доступнымъ для входа берегомъ, называемымъ по-киргизски, *чиликомъ*. Перешеекъ этотъ представляетъ совершенно голую степь, почва которой состоитъ изъ песчаной солонцеватой глины, съ весьма скудною растительностью. Вода добывается здѣсь изъ немногихъ глубокихъ колодезевъ, находящихся на караванныхъ путяхъ, и бываетъ довольно дурнаго качества.

О характерѣ мѣстности низовьевъ Сыръ-Дарьи мы говорить не будемъ, потому что войска наши въ экспедицію, которая составляетъ предметъ статьи, не доходили до этой рѣки.

Какъ ни бесплодны кажутся глазу европейца пески Кара-Кумъ и подобныя имъ песчаная пространства степи, не представляющія ничего кромѣ рѣдкихъ кормовыхъ травъ и приземистаго кустарника, пески эти, цвѣтущіе оазисы, въ сравненіи съ тѣмъ ужасающимъ отсутствіемъ растительной жизни, съ тою мертвенностью почвы, какою характеризуются илисто-солонцеватая равнины, встрѣчающіяся по вы-

ходѣ изъ Кара-Кумскихъ песковъ въ направленіи къ Мугоджарскимъ горамъ. Тутъ нѣтъ ни воды для питья, ни корма, ни топлива; слѣдовательно, нѣтъ никакого пріюта ни для человѣка ни для скота ни въ какое время года. Лѣтомъ рыхлый иль, раскаленный лучами солнца и взрытый копытомъ лошади, наполняетъ воздухъ облаками тончайшей пыли; осенью же, размоченный дождемъ, онъ обращается въ тонкую и до непроходимости вязкую грязь.

А какъ такіе илестыя равнины, вмѣстѣ съ солонцоватыми болотами занимаютъ большую часть зауральской степи, то и становится понятнымъ, какимъ образомъ Киргизы жмутся съ стадами своими, требующими обширныхъ пастбищъ, на немногихъ относительно травянистыхъ полосахъ ея лѣтомъ, и обильныхъ камышомъ и кустарникомъ въ продолженіи долгой и большею частью суровой зимы.

При описаніи степи нельзя не сказать нѣсколько словъ о прекрасномъ зрѣлищѣ, которое представляютъ въ маѣ мѣсяцѣ и часто также осенью степные пожары или собственно такъ называемые палы, отъ которыхъ есть и вредъ, и польза.

Сухая трава и стебли, оставшіеся еще съ осени, покрываютъ плодородныя степи такъ густо, что частію не даютъ пробиваться молодой травѣ, а частію мѣшаютъ паствѣ скота, который изъ-за ве-тоши не можетъ достать зелени и принужденъ поѣдать и то, и другое вмѣстѣ. По этой причинѣ не только народы кочевые, но и осѣдлые, зажигаютъ степи раннею весною лишь только снѣгъ сойдетъ и по-года начинается теплѣть. Прошлогодняя трава или ветошь быстро за-горается и пламя идетъ по вѣтру до тѣхъ поръ, пока находитъ себѣ пищу. Пуская палъ, всегда соображаются съ вѣтромъ, чтобы напра-вить пламя въ желаемую сторону.

Но не однѣ изложенныя причины побуждаютъ жителей пускать ежегодно палы: зола служитъ еще для почвы отличнымъ наземомъ. Увѣряютъ, однакоже, что зола эта вредитъ скоту, который поѣдаетъ ее, больше или меньше, вмѣстѣ съ травой. Нѣкоторые даже подо-зрѣвали, не зола ли эта причиною, что чума или падежъ на рогатый скотъ здѣсь никогда не переводится. Тамъ, гдѣ палъ обошелъ слу-чайино нѣкоторые мѣста, послѣднія съ трудомъ поростають рѣдкою травою, между тѣмъ какъ выжженное пространство давно красуется роскошною и густою зеленою. Для крестьянина, который выжигаетъ пашни и залежи свои въ одно время съ степью, бываетъ тутъ еще и та выгода, что сорныя травы сгарають съ своими сѣменами, а въ

здѣшнемъ краѣ, гдѣ земля въ избыткѣ, сорныя травы одолѣвають хлѣбъ несравненно болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ, по бѣдности въ землѣ, пашни обрабатываются съ большимъ тщаніемъ. Наконецъ палы уничтожаютъ множество вредныхъ хлѣбу и сѣнокоснымъ травамъ насѣкомыхъ, въ особенности саранчу и кобылку. Палы также нерѣдко служатъ Киргизамъ защитой другъ отъ друга и отъ нашихъ отрядовъ. Если вѣтеръ тому способствуетъ, то укрывающіеся шайки пускаютъ отъ себя палъ на встрѣчу ожидаемаго ими непріятеля. Степь выгораетъ на огромное пространство и по безкормищѣ этой уже пройти весьма трудно и часто вовсе не возможно.

Вредъ паловъ кромѣ опасности заключается въ томъ, что молодой лѣсъ уже не можетъ ни подъ какимъ видомъ разрастаться, потому что молодые поросли выгораютъ до самаго корня; если же въ послѣдствіи даже и этотъ корень оживъ, пустить отростокъ, то изъ него можетъ выйти только кривое, уродливое деревцо, если оно при томъ будетъ пощажено пасущимся скотомъ.

Несчастные случаи и опустошенія отъ степныхъ паловъ давно уже обратили на себя вниманіе правительства; палы запрещены законами и главное мѣстное начальство заботится объ искорененіи этого губительнаго обычая; но привычка упорно борется съ разсудкомъ. Въ 1836 г. огромный палъ, въ 50 верстъ и болѣе ширины, пробѣжалъ изъ глубины степи по направленію къ г. Троицку и, обхвативъ въ одномъ мѣстѣ столпившіеся аулы Киргизовъ, сжегъ болѣе 300 кибитокъ, болѣе 20 т. головъ разнаго скота, причемъ сгорѣло болѣе 70 человекъ старыхъ и малыхъ всякаго пола и возраста.

Единственный способъ для спасенія въ степи отъ пала состоитъ въ томъ, чтобы немедленно пустить палъ по вѣтру отъ своего лагеря и когда на разстояніе 50 или болѣе сажень выгоритъ степь, то передвинуться на выгорѣвшее мѣсто.

Отличительнымъ свойствомъ степнаго климата служатъ двѣ крайности: сильная стужа зимою и сильный лѣтній жаръ. Холодъ нерѣдко доходитъ до 32° по Р; но лѣтнія жары въ степи гораздо сноснѣе, чѣмъ жара у побережья Каспійскаго моря, гдѣ воздухъ всегда бываетъ влаженъ.

Дожди въ степяхъ вообще рѣдки и обыкновенно бываютъ только слѣдствіемъ грозы. По близости горъ они падаютъ чаще, но, сравнительно съ другими странами, все еще довольно рѣдко; только въ возвышенныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ Уральскаго хребта дожди обильны и постоянны; они идутъ здѣсь иногда по нѣскольку недѣль сряду.

Восточные вѣтры, господствующіе въ цѣломъ оренбургскимъ краѣ, и дующіе въ продолженіи почти $\frac{7}{8}$ года, иссушаютъ воздухъ; этотъ вѣтеръ, то отходитъ къ с., то къ ю. Въмѣстѣ съ юговосточнымъ вѣтромъ онъ приноситъ обыкновенно вѣдро, ясную погоду, а зимою ясную стужу. Сѣверовосточный вѣтеръ осенью нерѣдко сопровождается холодомъ и дождемъ, а зимою въ особенности стужею и свойственными степямъ вьюгами, извѣстными здѣсь подъ именемъ бурановъ—это бичъ и нерѣдко гибель путниковъ. Бураны, кажется, происходятъ оттого, что холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, смѣшая собою западный или юго-западный, превращаетъ поднявшіеся при тепломъ западномъ вѣтрѣ водяные пары въ снѣгъ. Теплыя вьюги несутся отъ юго-запада; западный вѣтеръ приноситъ тепло и оттепель.

Есть еще такъ называемый буранъ снизу; имъ даже обыкновенно начинается всякая мить: вѣтеръ подымаетъ, мететъ и гонитъ вьюгою снѣгъ съ землею. Но эта вьюга далеко не такъ опасна и гибельна, какъ первая,—буранъ сверху. Трудно вообразить себѣ, до какой степени человекъ и самыя даже животныя, у которыхъ есть обыкновенно какое-то внутреннее чувство познанія мѣстности, лишаются во время жестокаго бурана всякаго соображенія. Люди замерзаютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ жилья, иногда почти на улицахъ селъ и деревень, выбившись изъ силъ и почти не сходя съ мѣста, а плутая все круговою. Скотъ бѣжитъ по вѣтру, забываетъ безъ остановки за сотню верстъ и нерѣдко мечется прямо и безъ оглядки въ пропасти и крутояры, гдѣ погибаетъ. Степной Киргизъ, который ведетъ въ темную ночь, какъ въ ясный день на любое урочище, рѣшительно отказывается быть жожакомъ во время зимняго бурана, а если этотъ застаетъ его на пути, то онъ слезаетъ на мѣстѣ съ лошади, ложится, зарывается если можно въ снѣгъ и выжидаетъ вѣдра. Въ 1827 г. Киргизы внутренней орды лишились во время жестокаго бурана 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 75,480 головъ разнаго скота и 1,012,000 овецъ, всего слишкомъ на сумму до 13 милліоновъ руб. асс. Весь скотъ шарахнулся къ сѣверу, въ Саратовскую губ., частью попадалъ въ овраги и рытвины, частью замерзъ на голой степи, частью былъ утаенъ поселянами разныхъ деревень. Въ 1816 г. было тамъ же подобное происшествіе.

Довольно замѣчательно, что даже и въ южныхъ степяхъ зима чрезвычайно строга. Постоянные сѣверо-восточные вѣтры, безъ со

мѣня, составляютъ первую и главную этому причину; но, кажется, одной этой причины не достаточно. Профессоръ Эверманъ думаетъ, что для основательнаго объясненія этой стужи надобно еще принять въ соображеніе:

1) Голую и холодную почву, состоящую изъ глины желтоватаго и бѣлаго мергеля,—собственно почву, извѣстную даже у простолюдина подъ именемъ холодной земли: свѣтлый цвѣтъ не пропускаетъ солнечныхъ лучей, черноземъ же, напротивъ, какъ и всякое черное тѣло, поглощаетъ ихъ и значительно нагревается.

2) Чрезвычайную бѣдность растительности. Опытами дознано, что лѣса, рощи и вообще злаки, процвѣтая въ питательномъ черноземѣ, распространяютъ лѣтомъ прохладу, а зимою, наоборотъ, теплоту.

3) Распространеніе соли, какъ въ видѣ сухихъ и мокрыхъ солончаковъ, грязей, такъ и въ чистомъ и окристаленномъ видѣ. Всякому извѣстно, до какой значительной степени простирается искусственный холодъ, производимый смѣшеніемъ снѣга съ различными солями.

Лѣто бываетъ чрезмѣрно жарко; даже и ночи почти не охлаждаются и по нѣскольку недѣль сряду иногда вовсе не бываетъ росы.

Лѣтней порою въ степяхъ часто образуются вихри, занимающіе весьма небольшое пространство: вихрь кружится на одномъ мѣстѣ и уноситъ съ собою пыль, песокъ, сухія травы до значительной высоты. Вихри эти, будучи замѣтны глазу по поднявшейся столбомъ пыли, пробѣгаютъ нѣсколько сотъ и даже тысячъ шаговъ и вдругъ ложатся, исчезаютъ. Нерѣдко два или три столба поднимаются вдругъ не въ большомъ разстояніи. Происхожденіе ихъ объясняютъ обыкновенно предполагаемую встрѣчу двухъ противоположенныхъ вѣтровъ; но объясненіе это, кажется, не достаточно. По близости столбового вихря воздухъ бываетъ совершенно тихъ; можно подойти вплоть къ столбу и вѣтеръ слышенъ только внутри черты самаго вихря.

Продолжительная и ясная осень вообще составляетъ лучшее время года въ средней и южной полосѣ оренбургскаго края и много благоприятствуетъ скотоводству, потому что Киргизы сѣно на зиму не заготавливаютъ, а скотъ ходитъ круглый годъ на подножномъ корму, на тебеневкѣ. Между тѣмъ, однакоже, если прежде снѣга сдѣлается падель (гололедица, черепъ) и не отойдетъ до перваго постояннаго снѣга, тогда скотъ гибнетъ цѣлыми стадами, потому что не можетъ добывать кормъ, отгребая снѣгъ копытомъ. Лошади разбиваютъ и че-

репъ и кой-какъ доживаютъ до весны; но верблюды, рогатый скотъ и овцы, сбивая копыта до крови, нерѣдко дохнутъ отъ голода.

Зимою на прикаспійскихъ степяхъ снѣгу ложится очень немного, земля покрывается имъ позже и онъ гораздо ранѣе сходитъ. Въ мартѣ начинается оттепель; въ южныхъ степяхъ тонкій слой снѣга исчезаетъ вовсе, на сѣверѣ снѣгъ лежитъ гораздо долѣе. Вообще снѣгъ таетъ скоро, хотя большею частью вовсе безъ дождя, при ясной погодѣ, одною теплотою солнечныхъ лучей. Огромное количество снѣга, накапливающегося въ продолженіе зимы, быстро, въ теченіе немногихъ недѣль, обращается въ воду: ручьи и рѣки разливаются, а броды исчезаютъ.

Едва только снѣгъ сошелъ и земля размокла, какъ уже вся природа снова оживаетъ. Злаки и насѣкомыя внезапно просыпаются отъ продолжительнаго зимняго своего сна и развиваются съ необычайною быстротою, будто предчувствуя, что жизнь ихъ будетъ коротка, что лѣтній зной вскорѣ изсушитъ и испалитъ степь до послѣднихъ жизненныхъ соковъ.

Первая весенняя жизнь просыпается въ южныхъ степяхъ Оренбургскаго края недѣли двѣ ранѣе, чѣмъ сѣверныхъ: на югѣ первые цвѣты и насѣкомыя появляются въ концѣ марта на сѣверѣ въ началѣ или половинѣ апрѣля. Въ знойные лѣтніе дни встрѣчается нерѣдко въ степяхъ очень обыкновенное тамъ явленіе, марево, извѣстное и на нѣкоторыхъ другихъ болѣе или менѣе обширныхъ равнинахъ. Но какъ на всей землѣ, нѣтъ равнинъ пространнѣе степей великой Татаріи, то здѣсь это явленіе достигаетъ полнѣйшаго своего развитія и совершенства.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ та безпріютная, почти голодная степь, по которой приходилось идти войскамъ нашимъ на Хиву.

Всѣ успѣхъ военнаго поиска въ Хиву долженъ былъ основываться почти исключительно на вѣрномъ расчетѣ и соображеніи средствъ для продовольствія отряда съ находящимися при немъ лошадьми. Еслибы отрядъ тысячи въ три при 12 орудіяхъ дошелъ въ хорошемъ состояніи до Хивы, то этого числа уже было бы слишкомъ достаточно. Даже и этотъ умѣренный расчетъ основывался бы главнымъ образомъ не столько на дѣйствительной потребности вооруженной силы, сколько на необходимости безпрестанно разсылать довольно значительные разѣзды и конвой.

Въ составѣ отряда главную роль должна была играть пѣхота,

какъ по недостатку кормовъ въ степи, такъ и по тому, что мѣстность въ ханствѣ изрѣзана канавами, гдѣ гораздо удобнѣе дѣйствовать пѣхотѣ и гдѣ кавалерія почти бесполезна.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Перовскій назначилъ для экспедиціи 3½ батальона пѣхоты изъ отборныхъ людей 22-й пѣхотной дивизіи, 22 орудія, 4 ракетныхъ станка и 3 полка кавалеріи.

Составъ этихъ войскъ былъ слѣдующій:

	Генераловъ.	Ш. офицер.	Об. офицер.	Унт. офицер.	Музыкант.	Рядовыхъ.	Нестроев.		Лошадей.
							Писарей. Фельдшер. и мастеровъ.	Денщиковъ.	
22-й пѣхотной дивизіи.									
Линейныхъ оренбургскихъ батальоновъ									
Начальникъ дивизіи	1								
При немъ адъютантовъ	»		2						
Батальонъ № 1 (два роты)	»		9	32	9	360	17	9	9
— № 2	»	1	14	64	18	720	35	16	17
— № 4	»	1	14	64	18	720	38	16	17
— № 5	»	1	13	64	18	720	32	15	16
Всего пѣхоты	1	3	52	224	63	2520	124	64	69
Командующій оренбургскимъ казач. войскомъ.									
— Башкир. и Мещеряцк.	1	»	»	»	»	»	»	6	4
При немъ адъютанты	»	»	2	»	»	»	»	2	4
Оренбургскаго казач. войска	»	»	5	7	»	169	»	»	195
Уральскаго —	»	4	34	40	»	1164	»	»	1190
1 Оренбургскаго казач. войска	»	1	9	25	1	193	4	11	240
Башкирскаго войска	»	»	4	6	»	165	»	»	179
Всего кавалеріи	2	5	54	78	1	1691	4	25	1816
14 и 15 кон. арт. казачьихъ батарей.									
Оренбургск. арт. гарнизона	»	1	6	21	4	185	10	8	235
Оренбургск. арт. гарнизона	»	»	3	9	»	17	1	3	2
Всего въ артиллеріи	»	1	9	30	4	202	11	11	237
Итого	3	9	115	332	68	4413	139	100	2122

Всѣхъ верблюдовъ при отрядѣ должно было состоять 12,600 штукъ; однако выступило въ походъ въ дѣйствительности:

Въ упряжи 184

Подъ выюками съ запасами для отряда . . . 8,831

Подъ войсковыми тяжестями 1,435

Всего . . . 10,450

При нихъ верблюдовожатыхъ Киргизъ было 2,090 человекъ.

При отрядѣ было взято 5,300 штукъ снарядовъ, 375 конгревовыхъ ракетъ, 1,250,000 боевыхъ патроновъ, 710 фальшфейеровъ, 570 сигнальныхъ ракетъ, 1000 сигнальныхъ патроновъ, 150 пуд. пороху, 15 пуд. свинцу, 500 сажень фитиля, 200 запасныхъ ружей, 2400 штукъ кремней, минный инструментъ и два гальваническихъ снаряда. Затѣмъ при отрядѣ были двѣ разбиравшіяся лодки и четыре бударки, назначавшіяся какъ для осмотра береговъ Аральскаго моря и Сыръ-Дарьи, такъ и для переправъ чрезъ каналы. Для послѣдней цѣли были заготовлены кромѣ того бурдюки, служившіе въ то же время и для запасовъ воды на пути.

Независимо отъ этихъ войскъ 10 оберъ-офицеровъ и заурядъ-чиновниковъ, 15 урядниковъ и унтеръ-офицеровъ, 395 казаковъ, 165 лошадей и 6 орудій назначалось въ гарнизонъ складочнаго на пути пункта.

Назначавшіяся для экспедиціи войска могли выступить какъ съ средней части оренбургской линіи отъ Орска, Илецкой Защиты, Оренбурга, такъ и съ нижней линіи отъ Сарайчикова и Калмыковской станицы. Еслибы отрядъ выступилъ съ средней части линіи, то ему предстоялъ бы выборъ между двумя путями: по восточную или по западную сторону Аральскаго моря; если же онъ двинулся бы отъ Сарайчикова и Калмыковской станицы, то бы могъ идти только по послѣднему пути.

Разстояніе отъ Орска до Хивы одинаково по обоимъ путямъ и составляетъ всего около 1250 верстъ. Отъ Сарайчикова же до Хивы неbolѣ тысячи верстъ; но за то низменная прикаспійская степь несравненно безлюднѣ сѣверо-восточныхъ степей и кромѣ того около устьевъ Эмбы лежатъ обширныя, едва проходимыя лѣтомъ болота.

Путь по восточную сторону Аральскаго моря до Сыръ-Дарьи очень хорошъ; далѣе же онъ представляетъ то весьма важное неудобство, что на немъ предстоятъ четыре переправы чрезъ рѣки Сыръ, Яны, Куванъ и Аму-Дарью, изъ которыхъ одна имѣетъ до 100 сажень ширины. Кромѣ того пески Кизиль Кумъ вовсе безводны и пройди ихъ нельзя скорѣе, какъ въ четверо или пятеро сутокъ.

Караванный путь изъ Оренбурга въ Хиву, по западную сторону Аральскаго моря идетъ вверхъ по Илеку, чрезъ Мугоджарскія горы, верховья рѣки Эмбы и низменную, глинистую и песчаную степью до урочища Донгустау, потомъ у подошвы Чинка, за тѣмъ, поднявшись на Усть-Уртъ по плоскости, западнымъ берегомъ Аральскаго моря, на урочище Айбугиръ, чрезъ городъ Куна-Ургенчъ на Хиву. Этимъ путемъ отрядъ дошелъ бы до верховьевъ Эмбы безъ всякихъ затрудненій; далѣе вода и кормъ становятся хуже до урочища Донгустау, гдѣ лежатъ хорошіе луга и камыши. По самому Усть-Урту, хотя дорога и хороша, но бѣдна кормами; колодцевъ встрѣчается весьма немного, притомъ всѣ они маловодны; саксаулъ же и другіе кустарники доставляютъ въ достаточномъ количествѣ матеріалъ для топлива. Отъ Айбугира не встрѣчается затрудненій; тутъ находятся уже порядочные кормы, а воды довольно много и даже можно найти у жителей разнаго рода зерновой хлѣбъ.

Но кромѣ этихъ путей оставался еще одинъ — Каспійскимъ моремъ и далѣе отъ восточныхъ береговъ его до Хивы. Изъ пунктовъ, лежащихъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, заслуживаютъ вниманія только три: Ново-Александровское укрѣпленіе, Мангишлякская пристань и Кара-Бугасъ.

Ново-Александровское укрѣпленіе представляло то неудобство, что плаваніе къ нему въ случаѣ противныхъ вѣтровъ весьма затруднительно по узкому фарватеру; путь же поперегъ Усть-Урта безкорменъ и безводенъ. Мангишлякъ, хотя и отстоитъ отъ Хивы верстъ на 700 или 800, но плаваніе къ этому пункту удобно и путь до Хивы, вдоль подошвы Чинка, обилень водой и кормомъ. Только высадка съ моря большаго отряда съ лошадьми и верблюдами представляла бы много затрудненій, которыя казались тогда столь непреодолимыми, что предпріятіе это считали вовсе несбыточнымъ.

Кромѣ того, еслибы верблюдовъ отправить туда заранѣе, то для этого потребовался бы по числу ихъ довольно сильный конвой, а самые верблюды могли бы сильно потерпѣть отъ недостатка кормовъ.

Кара Бугасъ былъ ближайшимъ до Хивы пунктомъ на Каспійскомъ морѣ; но за то онъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ, и путь отъ него до Хивы пролегалъ по голоднымъ пескамъ.

Сообразивъ выгоды описанныхъ нами путей, рѣшено было, что путь отъ Оренбурга или Илецкой защиты чрезъ Усть-Уртъ надежнѣе

прочихъ, и что пути чрезъ Сарайчикъ и Мангишлакъ могли съ выгодою представить только вспомогательныя средства.

Полагая разстояніе отъ Оренбурга до Хивы по избранному пути 1250 верстъ и принимая каждый переходъ въ 25 верстъ, можно было рассчитывать, что отрядъ дойдетъ до Хивы въ 50 переходовъ, изъ которыхъ около 18, отъ Донгустау до Айбугира, онъ будетъ идти по Усть-Урту.

Выбравши такимъ образомъ путь, необходимо было опредѣлить время выступленія.

Безводье и безкормица составляютъ самыя главныя затрудненія всякаго степнаго похода. Чтобы избѣжать трудностей, сопряженныхъ съ переходомъ по безводному пространству, лучшее время для выступления и похода—зима. Въ это время года снѣгъ легко замѣняетъ собою воду. Для избѣжанія же безкормицы, выгоднѣе совершать походъ весною. Конечно, самое лучшее время года для выступления въ степной походъ была бы ранняя весна, когда снѣгъ только что начинается таять и вода скопляется во многихъ мѣстахъ, а изъ подъ стаявшаго снѣга пробивается трава. Но время это бываетъ весьма непродолжительно, и видимая выгода весенняго похода изъ Оренбурга уменьшается при ближайшемъ разсмотрѣніи. Надо замѣтить, что около Оренбурга снѣгъ сходитъ гораздо позже, чѣмъ на Усть-Уртѣ; лѣтніе жары въ степи бываютъ нестерпимы, а отблескъ снѣга отъ яркихъ солнечныхъ лучей, среди обширныхъ и голыхъ степей бываетъ причиною всеобщей глазной болѣзни.

Продолжительная и ясная осень бываетъ весьма благоприятна для степныхъ походовъ; но и тутъ не могутъ быть устранены неудобства относительно недостатка воды и корму.

Еслибы можно было надѣяться на снѣжную зиму, то отправленіе отряда на полозьяхъ имѣло бы на своей сторонѣ большія преимущества. Но при этомъ легко могло случиться, что отрядъ съ половины пути не въ состояніи былъ бы слѣдовать далѣе на саняхъ, а это произвело бы значительное расстройство. Поэтому необходимо было предпочесть вьюкъ и колеса, какъ средства, хотя и менѣе выгодныя, но за то болѣе благонадежныя.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, Перовскій вывелъ заключеніе, что удобнѣе всего выступить съ средней части оренбургской линіи въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля съ тѣмъ, чтобы въ концѣ августа или въ началѣ сентября пуститься уже въ обратный путь.

Такъ какъ экспедиція въ Хиву могла продолжиться болѣе полу-года, то, очевидно, невозможно было везти съ собою продовольствіе на все это время. Предполагалось имѣть при себѣ продовольствіе только на два мѣсяца; остальное же количество необходимо было сложить на пути слѣдованія отряда. Поэтому Перовскій первоначально предположилъ еще до похода основать два становища: одно при южной оконечности Мугоджарскихъ горъ, верстѣ за 300 отъ Оренбурга, а другое у Донгустау, почти въ такомъ же разстояніи отъ перваго этапа. На этихъ складочныхъ пунктахъ, можно бы было заготовить сѣна и подвезти туда продовольствіе для людей. Пѣшіе гарнизоны, въ числѣ 250 человекъ, въ Мугоджарскихъ горахъ и 350 на Донгустау, должны были по предположенію оставаться тамъ на зимовкѣ и пополнить отрядъ, который на пути слѣдованія убавился бы въ числѣ отъ больныхъ и усталыхъ. Еслибы такимъ образомъ продовольствіе отряда было вполне обезпечено на этихъ двухъ пунктахъ, то уничтожилась бы половина затрудненій и оставалось бы только позаботиться о томъ, чтобы благополучно пройти остальные четыреста верстѣ по Усть-Урту.

Избранные подъ становища Перовскимъ два пункта были: одно на урочищѣ Ахты-Якши при впаденіи этой рѣки въ Эмбу, а другое—на ключѣ Акъ-Булакъ при подножіи Усть-Урта.

Независимо отъ этихъ двухъ складовъ, Перовскій признавалъ необходимымъ обезпечить продовольствіе отряда во время пребыванія его въ Хивѣ, куда бы оно могло быть подвезено изъ ближайшихъ приморскихъ точекъ. Хотя Мангшлакскій полуостровъ и ближе соответствовалъ этой цѣли, но болѣе близкое разстояніе отъ Хивы до Ново-Александровскаго укрѣпленія заставило предпочесть этотъ послѣдній пунктъ. Сюда предположено было доставить 2500 четвертей сухарей и 250 четвертей крупъ.

Суда съ этимъ провіантомъ, за противными вѣтрами не достигли своего назначенія и два изъ нихъ возвратились въ Астрахань, два въ Гурьевъ, одно перезимовало у острова Кулалы, а пять замерзли въ морѣ и были разграблены и сожжены Киргизами Адаевского улуса.

Для отряда между тѣмъ продовольствіе было запасено въ огромномъ размѣрѣ. Между прочимъ было заготовлено 11,889 четвертей сухарей, 3223 ч. крупъ, 4,605 ч. муки, 1,6098 ч. овса, 6,511 пудъ соли и 4,199 ведеръ спирту. Кромѣ того были взяты въ походъ: сухой бульонъ, сало, сушеная и квашеная капуста, хрѣнъ,

соль, перецъ, укусъ, медъ съ приправой для сбитня, табакъ для нижнихъ чиновъ, крутъ—сушеный сыръ, съ большою пользою служащій для приправы дурной воды и сжатое сѣно. Для мяса же подраженъ былъ поставщикъ, который обязался гнать скотъ за отрядомъ. Покупка и доставка скота своими средствами была бы невыгодна. Въ этомъ случаѣ невозможно было бы имѣть за скотомъ надлежащаго примотра и большая часть его могла бы бесполезно погибнуть въ степи.

Для больныхъ были взяты кибитки, и для отвращенія цынготной болѣзни, кромѣ обыкновенныхъ медицинскихъ средствъ, приказано было запастись различными острыми овощами.

Собравъ такіе огромные запасы, необходимо было озаботиться и о перевозочныхъ средствахъ, что въ степномъ походѣ составляетъ величайшее затрудненіе. Въ степяхъ, какъ извѣстно, верблюды предпочитается лошади, какъ потому, что легко переносить жажду и довольствуется малымъ кормомъ, такъ и потому, что поднимаетъ втрое или вчетверо болѣе лошади. Приучить верблюда къ упряжи также весьма выгодно, потому что одинъ верблюдъ былъ бы достаточно на 8 а даже на 10 человекъ. Всѣ эти преимущества, очевидно, заставляли предпочесть верблюдовъ лошадямъ. Кромѣ поднятія тяжестей и продовольствія, верблюды должны были служить и людямъ. Пѣхота не могла безъ изнуренія совершить такого дальняго и труднаго степнаго похода пѣшкомъ, не подвергаясь большому изнуренію. Люди должны были сидѣть въ особо—устроенныхъ и навѣшанныхъ на верблюдовъ корзинахъ, откуда въ случаѣ нужды могли удобно обороняться. Для верблюдовъ, приученныхъ къ упряжѣ, были устроены особые длинные повозки на высокихъ колесахъ съ широкими ободами.

По сдѣланному расчету, всѣхъ верблюдовъ требовалось, полагая на каждаго ноши отъ 12 до 15 пудъ, до 12,600 головъ.

Такъ какъ въ упряжѣ верблюдъ везетъ въ пять разъ болѣе чѣмъ подъ выюкомъ, то нарочно была выписана для образца крымская арба съ верблюдами и по ней сдѣлано въ Оренбургѣ нѣсколько такихъ повозокъ. Впослѣдствіи впрочемъ оказалось, что въ пескахъ, въ грязи и въ глубокомъ снѣгу безъ дороги, верблюдъ негодится въ упряжѣ.

Запасшись верблюдами, нужно было приготовить выюки, для чего необходимо было рассчитать и распределить всѣ тяжести однообразно, укупорить ихъ, пригнать и устроить на выюкѣ по особому способу,

на кляпахъ, потому что завязка и развязка мерзлыхъ веревокъ медленна весьма затруднительна.

Теперь Перовскому оставалось еще одна забота—это привлеченіе на нашу сторону Киргизовъ. Нужно было рѣшить, какое участіе должны они принять въ готовившейся экспедиціи. Безъ сомнѣнія, они могли бы принести намъ большую пользу; но расположеніе ихъ зависѣло много отъ внушеній Хивы, почему на него нельзя было рассчитывать навѣрно. Необходимо было принять мѣры для безопасности предпріятія и съ этой стороны. Поэтому Перовскій усилилъ на всякій случай отрядъ султана—правителя западной части орды, полковника Айчувакова и роздалъ черезъ него хлѣбъ болѣе благонадежнымъ киргизскимъ родамъ съ тѣмъ, чтобы они готовились въ походъ и чтобы за наличную плату выставили въ извѣстныхъ мѣстахъ для прогнать вольствія отряда барановъ. Подобнаго рода мѣра относительно Киргизовъ, могла принести отряду большую пользу: во время степнаго пути на Киргизахъ могла бы лежать обязанность форпостной службы.

Оставались еще два вопроса, разрѣшеніе которыхъ уже выходило изъ круга власти Перовскаго. Нужно было опредѣлить, на какомъ основаніи должно быть занято ханство, если это будетъ признано нужнымъ, другими словами, Перовскій желалъ знать, какъ онъ долженъ поступить по занятіи Хивы. Удовольствоваться ли ему только наказаніемъ Хивинцевъ или даже сдѣлать какое нибудь постоянное распоряженіе на будущее время.

Другой вопросъ состоялъ въ томъ, что дѣлать отряду въ случаѣ, еслибы Хива, увидѣвъ рѣшительность нашихъ дѣйствій, исполнила немедленно всѣ наши требованія и выслала на примѣръ всѣхъ плѣнниковъ еще до окончанія предпріятія?

Что касается лично до Перовскаго, то онъ находилъ, что возведеніе на ханскій престолъ одного изъ благонадежныхъ султановъ—правителей не противорѣчило бы азіатскимъ обычаямъ и обезпечило бы насъ на будущее время отъ Хивы. Во второмъ же случаѣ дѣйствіе нашихъ войскъ должно было, по мнѣнію Перовскаго, зависѣть отъ того, въ какомъ мѣстѣ будетъ находиться отрядъ, когда хивинскій ханъ исполнитъ наши требованія. Еслибы онъ выслалъ нашихъ плѣнныхъ въ то время, когда отрядъ будетъ довольно близокъ къ предѣламъ нашимъ, и особенно если онъ не минуетъ еще безводныхъ пустынь, то выгодноѣе будетъ вернуться обратно; въ противномъ же случаѣ,

Перовскій полагалъ необходимымъ дойти до Хивы и расположиться тамъ на время для отдыха и подкрѣпленія силъ отряда.

Таковъ былъ первоначальный проектъ Перовскаго, представленный имъ въ особый комитетъ, составленный изъ военнаго министра, министра иностранныхъ дѣлъ и оренбургскаго генералъ-губернатора.

Комитетъ этотъ 11 марта 1839 года, разсматривалъ проектъ Перовскаго въ двухъ главныхъ отношеніяхъ:

- 1) Относительно времени наиболѣе удобнаго для приведенія проекта Перовскаго въ исполненіе, и
- 2) Относительно необходимыхъ способовъ для удачнаго исхода экспедиціи.

Экспедиція въ Хиву, какъ уже было сказано выше, между прочимъ имѣла цѣлью возстановить и утвердить вліяніе Россіи въ средней Азіи, ослабленное долговременною безнаказанностью Хивинцевъ и въ особенности постояннымъ стремленіемъ Англичанъ распространить свое вліяніе въ тѣхъ краяхъ во вредъ нашей промышленности и торговли. Разсматривая предположеніе Перовскаго съ этой точки зрѣнія, комитетъ былъ убѣжденъ въ необходимости военной экспедиціи въ Хиву. Но, соображая тогдашнее положеніе дѣлъ въ средней Азіи, счелъ болѣе удобнымъ отложить ее до окончанія экспедиціи Англичанъ противъ Достъ-Мугомеда и до обратнаго выступленія англійскихъ войскъ изъ Авганистана. Это рѣшеніе должно было принять между прочимъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Конечно, экспедиція Англичанъ въ Авганистанъ должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ новое усиленіе вліянія и власти Англіи на среднюю Азію. Но какъ бы ни велики были власть и вліяніе Англіи, они значительно уменьшались бы нашимъ занятіемъ Хивы, освобожденіемъ отъ хивинской власти сосѣднихъ Туркменъ и Киргизовъ и огражденіемъ Бухары отъ грабежа и насилій.

Кромѣ того освобожденіе нѣсколькихъ тысячъ Персіанъ, находившихся въ плѣну у Хивинцевъ и возвращеніе ихъ въ свое отечество, безъ всякаго сомнѣнія, весьма выгодно подѣйствовало бы на Персію и весьма значительно усилило бы тамъ наше вліяніе.

Съ другой стороны, экспедиція Англичанъ противъ Достъ-Мугомеда была бы достаточнымъ поводомъ для всякаго отклоненія притязаній со стороны Англіи, въ отношеніи нашихъ дѣйствій къ Хивѣ; слѣдовательно и въ этомъ отношеніи было бы и выгоднѣе, и полезнѣе отло-

жить предполагаемую экспедицію до окончанія англійскихъ дѣлъ въ Авганистанѣ.

Руководствуясь этими соображеніями; было рѣшено:

1) Приступить тогда же со всевозможною дѣятельностью ко всеѣмъ приготовленіямъ и распоряженіямъ по экспедиціи.

2) Окончить приготовленія въ той мѣрѣ, чтобы временные складочные пункты были совершенно готовы къ осени 1839 года.

3) Все ближайшіе предметы, относительно средствъ для экспедиціи, и все частныя распоряженія предоставить ближайшему соображенію Перовскаго.

4) Настоящую цѣль распоряженій на линіи и самое назначеніе временныхъ складочныхъ пунктовъ въ степи сохранять въ строжайшей и непроницаемой тайнѣ. Тайна нужна была какъ для успѣха экспедиціи, такъ и въ особенности для того, чтобы не обратить вниманія и дѣятельности англійскихъ агентовъ, которые бы могли противодѣйствовать экспедиціи. Однако, какъ видно, самъ комитетъ сомнѣвался въ возможности сохранить тайну приготовленій въ такихъ обширныхъ, до того времени небывалыхъ въ степи размѣрахъ. Чтобы сколько нибудь замаскировать истинную цѣль этихъ приготовленій, рѣшено было сначала соединить съ военною экспедиціею и ученую, которая предназначалась еще въ 1837 году (*).

5) Еслибы сверхъ всякаго ожиданія къ веснѣ 1840 года Англичане оставались бы еще въ Авганистанѣ, то и въ такомъ случаѣ предполагено было дойти до Хивы, потому что дальнѣйшее отлагательство приготовленной экспедиціи было бы весьма неудобно.

6) Что касается вопроса о томъ, въ какомъ видѣ и съ какими послѣдствіями Хива должна быть занята нашими войсками, то онъ разрѣшался самою цѣлью экспедиціи. Одно наказаніе Хивинцевъ и освобожденіе нашихъ плѣнныхъ ни мало не обезпечило бы насъ на будущее время отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хивы, и нисколько не послужило бы къ упроченію нашего вліянія въ средней Азіи. Поэтому самая необходимость заставляла склониться къ тому, чтобы сдѣлать какое нибудь распоряженіе, которое бы могло доставить намъ прочное ручательство за будущее. Поэтому замѣщеніе хивинскаго хана кѣмъ либо изъ степныхъ султановъ—правителей, не противурѣча слишкомъ азіатскимъ обычаямъ и понятіямъ, было бы

(*) Ученая экспедиція была отложена по предложенію Перовскаго.

для насъ выгодно. Мѣра эта не должна бы была возбудить противъ насъ и Англичанъ, которые, цѣлю экспедиціи ихъ въ Авганистанъ прямо объявили между прочимъ низверженіе Достъ-Мугомеда и возстановленіе прежняго шаха Суджа-Уль-Мулка. Выборъ лица для замѣщенія хивинскаго хана предоставленъ былъ Перовскому.

7) Еслибы Хивинцы, уstraшенные приготовленіями съ нашей стороны, рѣшились исполнить наши требованія прежде, чѣмъ отрядъ достигнетъ до Хивы, то другія цѣли экспедиціи такъ важны, что обстоятельство это не должно было служить поводомъ къ отмѣнѣ ея. Разумѣется, нельзя было не принять нашихъ плѣнныхъ, еслибы ихъ выслать къ намъ хивинскій ханъ; но этого было бы мало. Нужно бы было потребовать отъ Хивы уплаты всѣхъ издержекъ, употребленныхъ на снаряженіе экспедиціи; причемъ необходимо было для взноса денегъ назначить самый короткій срокъ.

8) Изъ 1,698,000 р. ассигн. и 12,000 червонцевъ, суммы, опредѣленной на издержки экспедиціи 700 т. р. ассигн., вѣрно было отпустить Перовскому тотчасъ же. Для сохраненія же строжайшей тайны рѣшено было не требовать этой суммы изъ государственнаго казначейства, а предоставить военному министру испросить Высочайшее соизволеніе на ассигнованіе суммы изъ особыхъ источниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться доставленіемъ этой суммы Перовскому такъ, чтобы пересылка ея осталась подъ секретомъ.

9) Для отвращенія медленности и затрудненій въ производствѣ работъ и приготовленій, разрѣшено было Перовскому пользоваться всякаго рода пособіями отъ мѣстнаго артиллерійскаго и инженернаго начальствъ, которыя были обязаны въ это время исполнять въ точности всѣ его требованія, какъ относящіяся до ученой экспедиціи.

10) По разнообразію потребностей для отряда, отчасти совершенно различныхъ отъ потребностей обыкновенныхъ, по роду предстоящихъ покупокъ, которыя почти всѣ были сдѣланы у кочующихъ племени инородцевъ, въ расходахъ по экспедиціи какъ въ денежныхъ, такъ и въ вещественныхъ не могъ быть данъ отчетъ по обыкновеннымъ контрольнымъ правиламъ. Поэтому въ предупрежденіе вопросовъ и недоразумѣній, которыя бы могли возникнуть впослѣдствіи при ревизіи отчетовъ, окончательное утвержденіе всѣхъ отчетовъ и ревизія ихъ предоставлена была самому Перовскому.

На другой день 12 марта журналъ комитета былъ утвержденъ (*).

(*) Арх. в. т. депо, № 49,862.

Крайнимъ срокомъ для исполненія предпріятія назначена была комитетомъ весна будущаго 1840 года. Между тѣмъ Перовскій при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, нашелъ, что отрядъ, при многочисленности своей, не найдетъ въ степи весною достаточнаго количества воды, въ особенности если сообразить, что, выступивъ весною, онъ придетъ на безводныя степи въ самое знойное лѣто. Кромѣ того оказалось гораздо выгоднѣйшимъ не покупать верблюдовъ, какъ это было предположено въ началѣ, а нанять ихъ вмѣстѣ съ возчиками. Дѣйствительно, независимо уже оттого, что наемъ обошелся бы дешевле, было еще и другое важное обстоятельство, заставлявшее предпочесть наемъ покупкѣ. Верблюды безъ тщательнаго присмотра за ними самихъ хозяевъ болѣею частью не выдержали бы предстоящаго похода. Наемъ же верблюдовъ не могъ быть произведенъ зимою, когда всѣ Киргизы неподвижно сидятъ на отдаленныхъ зимовьяхъ своихъ. Поэтому Перовскій рѣшился нанять верблюдовъ теперь же, а для сокращенія издержекъ и для избѣжанія недостатка воды въ степи во время лѣтняго движенія отряда предпринять походъ зимою (*).

Достать потребное число верблюдовъ было крайне затруднительно. Поэтому Перовскій обратился къ султанамъ—правителямъ, которые, при посредствѣ предсѣдателя оренбургской пограничной комисіи, съ усердіемъ принялись за дѣло. Въ короткое время было нанято до 11,600 верблюдовъ съ платою по 10 рублей за каждаго; кромѣ того ханъ Джангеръ пожертвовалъ 1000. Однако изъ 12600 верблюдовъ только 10450 могли выступить въ походъ; остальные же частью оказались негодными, а частью опоздали прибыть къ сроку.

Для предохраненія отряда отъ стужи, люди были снабжены хорошо теплою одеждою. Для солдатъ были построены толстые плотно-стеганные на овечьей шерсти полушубки и шаровары, теплыя фуражки съ широкимъ откиднымъ назатыльникомъ, шерстяныя валенки и рукавицы. Шинель была разставлена такъ, чтобы ее можно было надѣвать сверхъ всего теплаго платья. Казаки запаслись на свой счетъ полушубками, зипуномъ, башлыкомъ, теплыми сапогами и выворотными рукавицами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовали и нѣкоторыя другія измѣненія.

Первоначальное предположеніе о двухъ складочныхъ пунктахъ со-

(*) Рапортъ Перовскаго 9 мая, № 55.

стоялось на томъ основаніи, чтобы заготовить для отряда нѣсколько сѣна. Для этого необходимо было выслать въ началѣ весны стражу и косцовъ; иначе трава скоро выгорѣла бы отъ жару и была бы вытравлена стадами кочующихъ Киргизовъ. Между тѣмъ исполнить это безъ ослабленія дѣйствующаго отряда было невозможно. Поэтому Перовскій рѣшился ограничиться учрежденіемъ одного только складочнаго пункта.

Къ концу мая мѣсяца были окончены все предварительныя распоряженія, и 25 числа выступили съ линіи двѣ роты оренбургскаго линейнаго № 2 батальона, 200 конныхъ башкиръ и четыре 3 фунтовые единорога. Съ этимъ отрядомъ выступилъ и первый продовольственный транспортъ, въ составѣ 1200 троеконныхъ башкирскихъ повозокъ. Обязанность начальника этого отряда, полковника Геке, должна была состоять въ основаніи укрѣпленнаго складочнаго пункта на урочищѣ Донгустау, а затѣмъ въ принятіи и охраненіи всехъ продовольственныхъ запасовъ, которые будутъ туда доставлены въ теченіи лѣта. Для прикрытія же нашихъ обозовъ съ сѣверо-востока, гдѣ въ то время происходили безпокойства, и для охраненія мирныхъ киргизскихъ родовъ выступилъ еще 22 мая легкій отрядъ изъ 600 казаковъ оренбургскаго и башкирскаго войскъ подъ начальствомъ полковника Жемчужникова.

Урочище Донгустау избрано было подъ складочный пунктъ, по имѣвшимся въ то время свѣдѣніямъ, какъ ближайшая къ Усть-Урту точка, на которой можно было надѣяться найти какъ кормъ, такъ и воду. Между тѣмъ, прибывшій туда полковникъ Геке, по сдѣланной имъ рекогносцировкѣ этого пункта, нашелъ, что луга на Донгустау большею частью уже весною еще были вытравлены киргизскимъ скотомъ, и что при наступившей необыкновенной засухѣ оказывался недостатокъ даже и въ камышѣ. Поэтому первое становище пришлось устраивать на урочищѣ Чушка-Куль, при рѣкѣ Акъ-Булакѣ, въ 35 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Донгустау и въ 180 верстахъ отъ рѣки Эмбы.

Здѣсь было построено большое бастионированное полевое укрѣпленіе, въ которомъ помѣстился весь лагерь и все склады перваго обоза; по близости же укрѣпленія накошено было до 30 т. пудъ сѣна.

Между тѣмъ оказалось, что лѣтній переходъ отъ Эмбы къ Чушка-Кулю, по безводью, весьма затруднителенъ и тяжелъ. Поэтому пол-

ковнику Жемчужникову поручено было основать другое укрѣпленіе на самой Эмбѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ остальные запасы были сложены уже тамъ. Жемчужниковъ успѣлъ заготовить частью при укрѣпленіи, а частью на р. Илекѣ, на половинѣ пути между Оренбургомъ и Эмбою, до 20 тысячъ пудъ сѣна.

Такимъ образомъ самыя обстоятельства показали необходимость имѣть на пути въ Хиву два складочные пункта. Въ одномъ изъ нихъ на Акъ-Булакѣ осталось, какъ уже было сказано, двѣ роты линейнаго баталіона, 200 Башкиръ и четыре 8 фунтовые единорога; а въ другомъ одна рота пѣхоты, 350 казаковъ оренбургскаго войска и четыре орудія.

Уже въ концѣ лѣта почти все продовольствіе, за исключеніемъ того, которое должно было слѣдовать при отрядѣ, было свезено въ складочные пункты. Люди, составлявшіе гарнизонъ этихъ укрѣпленій пользовались совершеннымъ здоровьемъ; нѣсколько человекъ изъ нихъ хотя и заболѣли персидскою язвой (*ignis persica*), но умеръ отъ этой болѣзни одинъ только Башкиръ. Каждое укрѣпленіе было снабжено лукомъ, капустой, чеснокомъ, виномъ и уксусомъ; въ каждомъ становищѣ было по одному медику съ фельдшеромъ, двойная лазаретная кибитка, всѣ необходимые припасы для устройства бань и госпитальныхъ вещей на десять кроватей.

До сихъ поръ всѣ приготовленія къ предстоящей экспедиціи старались сохранить въ величайшей тайнѣ. Перовскій находилъ необходимымъ получить разрѣшеніе нѣкоторыхъ особыхъ вопросовъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ и военнаго, но, опасаясь своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ возбудить вниманіе дипломатическаго корпуса, не рѣшался пріѣхать. Поэтому онъ думалъ прибыть въ Москву и уже оттуда представить свои соображенія по нѣкоторымъ предметамъ графу Нессельроде и Чернышеву (*).

Но несмотря на все это приготовленія къ снаряженію отряда въ экспедицію не могли остаться тайною для оренбургскаго края.

Закупки, подряды и приготовленія, предпринятые въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ убѣждали всякаго, что это дѣлается не для обыкновеннаго поиска въ степь, а для болѣе значительнаго и продолжительнаго предпріятія. Съ другой стороны мѣстные полити-

(*) Письмо Перовскаго Чернышеву 19 сентября 1839 г. Арх. в. т. депю, № 49,862.

ческія отношенія съ сосѣдними азіатцами на столько были извѣстны тамъ каждому, что общее мнѣніе давно уже по догадкамъ дошло до заключенія о настоящей цѣли похода. Предупредить это и обмануть общее мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ Оренбургѣ, не было положительно никакой возможности. Несмотря на строгость официально соблюдаемой тайны, всеобщая молва давно уже измѣнила правительственнымъ властямъ (*).

Наши приготовленія сдѣлались извѣстными и хивинскому правительству. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ хивинскій ханъ Алла-Куль выслалъ 80 человекъ русскихъ плѣнныхъ. Эта присылка явнымъ образомъ была слѣдствіемъ устройства Чушка-Кульского укрѣпленія. Но, оказывая явно покорность, Хивинцы втайнѣ продолжали свои хищничества и при посредствѣ Туркменъ еще болѣе усилили грабежи на Каспійскомъ морѣ, захватывая въ плѣнъ нашихъ рыбопромышленниковъ.

Такая уклончивость хивинскаго хана, конечно, не имѣла ни малѣйшаго вліянія на наши приготовленія, которыя продолжались до самаго выступленія отряда въ экспедицію.

Характеръ степной экспедиціи, многочисленность отряда и верблюдовъ требовали принятія особенныхъ мѣръ какъ относительно образа движенія, такъ и относительно расположенія и дѣйствія въ степи. Поэтому въ сентябрѣ мѣсяцѣ Перовскій составилъ особенныя правила, которыми долженъ былъ руководиться отрядъ во время похода.

Еслибы весь отрядъ двинуть одною колонною и верблюдовъ вести такъ, какъ они обыкновенно ходятъ въ караванахъ, въ одинъ рядъ, то войска съ обозомъ заняли бы болѣе 50 верстъ въ длину. Когда голова колонны приходила бы на ночлегъ, то хвостъ не начиналъ бы еще движенія. Не предполагая даже никакого непріязненнаго дѣйствія со стороны Киргизовъ или Хивинцевъ, очевидно было, что такой образъ движенія совершенно невозможенъ. Недостатокъ же въ водѣ и подножномъ кормѣ и неизбежный безпорядокъ при расположеніи такого огромнаго количества транспортовъ на ночлегахъ въ одну массу заставляли дать отряду, и въ особенности транспортамъ, нѣсколько иное устройство.

Лучше всего признано было раздѣлить всѣ продовольственные транспорты на отдѣленія и къ каждому отдѣленію назначить для постоянного конвоя часть войска. Поэтому всѣ транспорты по роду

(*) Тамъ же.

припасовъ и были раздѣлены на семь отдѣльных частей; каждая изъ нихъ подраздѣлялась еще на отдѣленія въ 500 или 650 верблюдовъ. Наблюденіе за этими отдѣленіями ввѣрено было особеннымъ начальникамъ; каждому изъ отдѣленій приданъ былъ на все время пути до Хивы особый конвой, который долженъ былъ неотлучно находиться при отдѣленіи и содѣйствовать успѣшному слѣдованію транспорта.

При составленіи диспозиціи для первоначальнаго движенія отряда до складочнаго пункта предполагалось обращать преимущественное вниманіе на хозяйственныя соображенія, чтобы дать отряду возможность къ скорѣйшему движенію и къ сбереженію силы верблюдовъ и лошадей. Для этого отрядъ долженъ былъ двигаться нѣсколькими отдѣльными колоннами. При дальнѣйшемъ же слѣдованіи отъ складочнаго пункта до Хивы предполагалось идти уже болѣе сосредоточеннымъ образомъ.

21 октября выступилъ изъ Оренбурга подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго первый передовой транспортъ для отряда въ числѣ 1128 верблюдовъ, подъ прикрытіемъ 360 человекъ пѣхоты и казаковъ. Отрядъ этотъ долженъ былъ соединиться съ главнымъ при первомъ укрѣпленіи на Эмбѣ. Главною цѣлью ранняго выступленія этого отряда было испытаніе на самомъ походѣ разныхъ распоряженій, придуманныхъ для степнаго похода. Влѣдствіе сдѣланнаго опыта оказались необходимыми разныя улучшенія и измѣненія.

Въ то время, когда приготовленія къ экспедиціи приходили къ концу, рассмотрѣнъ былъ окончательно политическій вопросъ относительно Хивы (*). Еще при первоначальныхъ сужденіяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ было признано, что одно только наказаніе Хивинцевъ и освобожденіе русскихъ плѣнныхъ недостаточно для обезпеченія насъ на будущее время отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хивы и для упроченія вліянія нашего въ средней Азіи, что для достиженія этихъ цѣлей необходимо было сдѣлать на мѣстѣ постоянное распоряженіе, которое бы доставило намъ въ этихъ отношеніяхъ прочное ручательство на будущее время.

Лучшимъ для этого средствомъ было, конечно, низверженіе бывшаго въ то время ханомъ Алла-Кула и замѣна его кѣмъ либо изъ преданныхъ намъ киргизскихъ султановъ. Выборъ могъ бы пасть на пре-

(*) Вопросъ разсматривался Перовскимъ, Чернышевымъ и Нессельроде 10 октября.

даннаго намъ султана—правителя западной части орды Бай—Мухамедъ Айчувакова, если бы тотъ однако, на сдѣланное ему косвеннымъ образомъ предложеніе, не отказался отъ этой чести.

Впрочемъ выборъ этотъ, еслибы онъ и состоялся, былъ бы сопряженъ съ нѣкоторыми неудобствами. Для безопасности новаго хана и для прочнаго утвержденія его въ новомъ званіи необходимо было бы оставить при немъ хотя небольшую часть нашихъ войскъ, что при исполненіи представило бы большія затрудненія.

Другое лицо, которое могло бы принять на себя это званіе—былъ Инахъ, братъ Алла—Кула, который, сколько было извѣстно, искренно желалъ союза съ Россіею и еще отцомъ своимъ предназначался въ ханы.

Главная цѣль наша состояла въ томъ, чтобы прекратить всякую возможность враждебныхъ дѣйствій со стороны Хивы, упрочить тамъ наше вліяніе и тѣмъ обезпечить нашу торговлю съ Азіею.

Назначеніе на ханскій престолъ превращеннаго намъ человѣка, конечно, достигало бы этой цѣли тѣмъ болѣе, что новый ханъ принадлежалъ бы къ роду старыхъ правителей Хивы и имѣлъ бы возможность скорѣе и вѣрнѣе утвердить свою власть надъ народомъ. Надо было полагать притомъ, что при всемъ вѣроломствѣ, составляющемъ отличительную черту азіятскаго характера, Инахъ былъ бы признателенъ русскому правительству.

Во всякомъ же случаѣ отъ непріязненныхъ къ намъ дѣйствій его долженъ былъ удерживать страхъ и опасеніе подвергнуться участи своего предшественника.

Неизвѣстна только была степень вліянія, какую имѣлъ въ то время Инахъ на Хивинцевъ; нельзя было сказать навѣрно въ состояніи ли будетъ онъ составить довольно сильную партію для того, чтобы съ успѣхомъ противоdѣйствовать вполнѣдствіи проскамъ Алла—Кула, если бы послѣдній успѣлъ скрыться при приближеніи нашего отряда.

По всемъ этимъ причинамъ рѣшено было предоставить самому Перовскому привести это въ исполненіе, когда онъ лично удостовѣрится, въ какой степени можно рассчитывать на благоразуміе и благонадежность Инаха.

Если бы и самъ Инахъ бѣжалъ бы съ приближеніемъ русскаго отряда, то рѣшено было учредить въ Хивѣ временное правленіе изъ лицъ наиболѣе благонадежныхъ и пользующихся общимъ уваженіемъ, а потомъ вызвать самого Инаха.

Во всякомъ же случаѣ рѣшено было предоставить Перовскому принять всѣ мѣры, какія онъ на мѣстѣ найдетъ необходимыми для пользы Россіи и для достиженія цѣли экспедиціи, которая состояла въ томъ, чтобы установить порядокъ вещей, могущій служить обезпеченіемъ на будущее время отъ враждебныхъ для насъ и невыгодныхъ для нашей торговли и промышленности дѣйствій со стороны Хивы. Алла-Кула же во всякомъ случаѣ рѣшено было не освобождать, а отправить въ Россію.

Вслучаѣ же удаленія Алла-Кула и вмѣстѣ съ нимъ братьевъ и приближенныхъ его, для устройства дѣлъ предоставлено было Перовскому остаться въ Хивѣ долѣе назначеннаго времени, но сдѣлать это онъ долженъ былъ только въ крайней необходимости и по внимательному соображенію всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть послѣдствіемъ этой мѣры.

Для того же, чтобы получить фактическое доказательство въ доброжелательствѣ къ намъ на будущее время со стороны Хивы, рѣшено было заключить условіе, въ которомъ слѣдовало домогаться:

1) Чтобы впредь прекращены были какъ явныя, такъ и тайныя враждебныя дѣйствія Хивы противъ Россіи, а въ особенности, чтобы Хива отказалась отъ разбоевъ и не держала въ неволѣ ни одного Русскаго.

2) Чтобы Хива не простирала своей власти на подчиненныхъ намъ Киргизовъ и Туркменъ и не облагала бы ихъ *закятъ* и другими поборами.

3) Чтобы она вообще не распространяла своего вліянія на племена, на которыя не имѣетъ никакого права, а ограничивалась бы своими владѣніями, простирающимися до извѣстныхъ предѣловъ, которые не бесполезно было бы опредѣлить.

4) Чтобы Хива не покровительствовала бѣгшему султану Канбъ-Гали и ему подобнымъ и посредствомъ, ихъ не волновала бы Киргизовъ.

5) Чтобы караваны ни подъ какимъ предлогомъ не были принуждаемы проходить чрезъ Хиву и чтобы тѣ, которые добровольно и по своимъ расчетамъ не пойдутъ на хивинскія владѣнія, не были облагаемы пошлиною.

6) Чтобы укрѣпленія на р. Сырѣ, какъ лежація вовсе внѣ хивинскихъ владѣній и служація только для притѣсненія кочевыхъ народовъ и проходящихъ каравановъ, были срыты и уничтожены.

7) Чтобы на товары, принадлежащіе Русскимъ, не было налага-

емо, какъ до тѣхъ поръ, двойной и даже четверной пошлины, и чтобы русскіе и хивинскіе купцы были уравнены между собою правами во всѣхъ отношеніяхъ.

8) Чтобы было предоставлено, какъ Россіи, такъ и Хивѣ, имѣть своихъ консуловъ—первой въ Хивѣ, а второй въ Оренбургѣ; притомъ, чтобы русскій консулъ имѣлъ право безъ всякихъ стѣсненій содержать суда на рѣкѣ Аму-Дарѣ (*).

Бухара, находившаяся въ то время въ благопріятныхъ съ нами отношеніяхъ, была извѣщена о предстоящей экспедиціи нашей въ Хиву.

Несмотря однако на всю предусмотрительность, оставалось еще одно обстоятельство, противъ котораго тщетны были и всякая предосторожность, и возможность вѣрнаго расчета. Никакъ нельзя было съ достовѣрностью предвидѣть, что именно встрѣтитъ отрядъ со стороны степей, которымъ былъ полный просторъ въ обширной и негостепріимной степи.

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ явились нѣкоторые признаки тѣхъ послѣдствій зимняго степнаго похода, которыя позже приняли такіе плачевные размѣры, разстроивъ хорошо обдуманное предпріятіе.

Для снабженія складочныхъ пунктовъ продовольствіемъ употреблено было до 23,290 башкирскихъ лошадей, при которыхъ состояло 7700 человекъ нижнихъ чиновъ. Подвозъ этотъ производился постепенно пятью отдѣльными транспортами. Первый изъ нихъ выступилъ, какъ уже сказано, 25 мая и возвратился на линію 17 августа, а второй выступилъ 12 іюля, а вернулся 19 сентября. Первый, пробывъ въ степи около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, изъ 3600 лошадей потерялъ 353; второй отъ жаровъ и засухи сначала потерялъ 775 лошадей, а потомъ въ теченіе трехъ дней, 12, 13 и 14 сентября, отъ сильной вьюги и стужи потерялъ еще 890 лошадей.

Доносъ объ этомъ, Перовскій не скрывалъ, что надо ожидать того же и въ остальныхъ транспортахъ. Все лѣто того года было необычайно знойно; подножный кормъ въ степи пропалъ отъ засухи еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, а гдѣ и оставался, то былъ выжженъ Киргизами съ намѣреніемъ воспрепятствовать слѣдованію нашего отряда.

Ожиданія Перовскаго оправдались; потеря въ вернувшихся остальныхъ транспортахъ была также огромна. Третій транспортъ потерялъ 1478 лошадей; четвертой—2812 и наконецъ пятый—2522 лошади.

(*) Журналъ комитета былъ Высочайше утвержденъ 17 октября.

Во всѣхъ транспортахъ было 176 чиновниковъ, 7702 человекъ нижнихъ чиновъ и 23,290 лошадей. Изъ этого числа погибло въ степи, еще до начала похода, 3 чиновника, 193 человекъ нижнихъ чиновъ и 8896 лошадей.

О причинахъ такой смертности между людьми произведено было Перовскимъ тотчасъ же слѣдствіе, по которому оказалось, что почти всѣ умершіе Башкиры страдали кровавымъ поносомъ и были уроженцами горныхъ кантоновъ. Слѣдовательно, главною причиною болѣзни была перемѣна пищи и климата. Но кромѣ того были и другія причины (*). Перовскій говорилъ, что по недостатку хорошихъ медиковъ онъ не имѣлъ возможности снабдить транспорты надежнымъ надзоромъ и врачебными пособіями. Башкиры находились подъ присмотромъ однихъ своихъ офицеровъ; при нихъ находились только фельдшера. Заболѣвая, Башкиры вовсе не берегли себя и не соблюдали никакой осторожности, а это, въ свою очередь, значительно усиливало болѣзненность.

Къ ноябрю мѣсяцу всѣ приготовленія были окончены. Перовскому на время похода предоставлена была власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время (**) и въ распоряженіе его было послано 50 георгіевскихъ крестовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Перовскому, по просьбѣ его, предоставлено было присылать въ Оренбургъ съ пути слѣдованія въ Хиву краткія извѣщенія о благополучномъ состояніи и частью о дѣйствіяхъ своего отряда.

14 ноября объявлена была въ краѣ и декларація о причинахъ и цѣли похода. Она была слѣдующаго содержанія:

«Командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, оренбургскій военный губернаторъ, по случаю выступленія съ воинскимъ отрядомъ противу Хивы считаетъ необходимымъ обнародовать во вѣренномъ ему краѣ нижеизложенную декларацію о причинахъ и цѣли военныхъ противу Хивы дѣйствій.

«Съ давняго уже времени вниманіе правительства устремлено на враждебныя противу Россіи расположенія ханства Хивинскаго. Прилегая къ степямъ подвластныхъ имперіи Киргизъ-Кайсаковъ, Хива, въ продолженіи многихъ лѣтъ, непрерывными дерзостными поступка-

(*) Рапортъ Перовскаго 14 ноябля 1839 г. № 244.

(**) Секретный указъ подписанъ въ Царскомъ Селѣ 7 октября 1839 года.

ми, оказываетъ явное неуваженіе къ державѣ, съ которою имѣла всегда торговья сношенія».

«Торговля съ Россією доставляла Хивѣ необходимыя средства для ея существованія; Хивинцы постоянно пользовались у насъ важными выгодами и правами, наравнѣ съ торговцами прочихъ областей средней Азіи, и за все сіе Хива платитъ намъ однимъ вѣроломствомъ. Съ безпримѣрнымъ дерзновеніемъ, она нарушаетъ ежедневно спокойствіе племенъ, кочующихъ близъ ея предѣловъ, преграждаетъ торговья съ ними сообщенія прочихъ азіатскихъ владѣній, останавливаетъ идущіе въ Россію и возвращающіеся изъ оной бухарскіе караваны, облагаетъ ихъ непомѣрною пошлиною, насильственно принуждаетъ заходить въ свои владѣнія, гдѣ произвольно и безъ всякаго права отбирается отъ беззащитныхъ купцовъ значительная часть ихъ товаровъ. Наглость Хивинцевъ простирается еще далѣе: не только бухарскіе караваны, идущіе въ Россію, но даже караваны собственно русскіе не могутъ безопасно проходить чрезъ степи. Такъ, снаряженный въ Оренбургъ караванъ, состоявшій изъ товаровъ нашихъ купцовъ, былъ совершенно разграбленъ высланными изъ Хивы вооруженными хищниками. Ни одинъ русскій торговецъ не можетъ появиться въ Хивѣ безъ опасенія лишиться жизни, или подвергнуться заточенію. Хивинцы дѣлаютъ частые набѣги на отдаленныхъ отъ линіи Киргизовъ, поступившихъ еще при Абулханръ-Ханѣ въ подданство Россіи, разоряютъ ихъ аулы, обременяютъ разными поборами, волнуютъ противъ законной власти, даютъ убѣжище непокорнымъ и наконецъ, къ довершенію всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствій, явно задерживаютъ въ Хивѣ множество Русскихъ, томящихся тамъ въ жестокомъ рабствѣ. Число сихъ несчастныхъ ежегодно увеличивается; по наущеніямъ Хивинцевъ дѣлаются на Каспійскомъ морѣ и въ иныхъ мѣстахъ безпрестанныя нападенія на мирныхъ и беззащитныхъ промышленниковъ, которыхъ увлекаютъ въ Хиву и повергаютъ тамъ въ тяжкую неволю».

«Бѣдственная судьба сихъ несчастныхъ не могла не обратить вниманіе нашего правительства, поставляющаго одною изъ священныхъ обязанностей огражденіе спокойствія и безопасности подданныхъ имперіи. Но великодушіе, съ какимъ оно предваряло Хивинцевъ о непременныхъ послѣдствіяхъ преступныхъ ихъ дѣйствій, не имѣло успѣха. Они не вняли сдѣланнымъ имъ внушеніямъ; они не постигли снисходительности Россіи къ ихъ заблужденію. Напротивъ того они возмечтали, что хищничества ихъ останутся безъ всякаго наказанія. Въ

этой самонадѣянности они дерзнули построить внѣ своихъ предѣловъ, близъ караваннаго пути, ведущаго въ Бухару, двѣ крѣпости, дабы съ большею наглостью и безотвѣтственностью притѣснять торговцевъ; они усилили свои преступныя набѣги и грабежи, и въ большей еще степени стали упорствовать въ непримиримой враждѣ своей противъ Россіи».

«Надлежало принять мѣры болѣе сообразныя съ ихъ понятіями. Испытано было еще послѣднее средство къ ихъ вразумленію: прибывшіе въ Россію хивинскіе торговцы были задержаны на линіи, и условіемъ ихъ освобожденія объявлено немедленное возвращеніе русскихъ невольниковъ и прекращеніе всѣхъ непріязненныхъ поступковъ. Но и сія мѣра оказалась неэффективною. Послѣ трехлѣтняго ожиданія едва 100 человекъ возвращены въ Россію, между тѣмъ какъ нынѣшнюю весною захвачено вновь на одномъ Каспійскомъ морѣ до 200 рыбопромышленниковъ.

«Наконецъ истощились всѣ средства убѣжденія. Охраненіе выгодъ Россіи, безопасность ея торговли, спокойствіе ея вѣроподданныхъ, — все требуетъ нынѣ мѣръ болѣе рѣшительныхъ, болѣе надежныхъ; того же требуетъ и самое достоинство имперіи».

«Сія справедливыя и основательныя уваженія побудили Государя Императора повелѣть отправить военный отрядъ противу Хивы, дабы силою оружія обезпечить на будущія времена права и пользы русскіхъ подданныхъ, положить конецъ грабежамъ и насиліямъ, избавить томящихся въ Хивѣ невольниковъ, внушить должное уваженіе къ имени русскому и упрочить то вліяніе, которое неоспоримо принадлежитъ Россіи и которое одно можетъ служить залогомъ сохраненія мира въ сей части Азіи».

Одновременно съ обнародованіемъ деклараціи началось и выступленіе по эшелонно войскъ въ степь. Двѣ колонны выступили чрезъ Бердянско-Куралинскую линію 14 и 15 ноября, а другія двѣ 16 и 17 чрезъ Илецкую Защиту. Всѣ колонны должны были соединиться противъ Григорьевскаго форпоста въ одномъ переходѣ отъ Оренбурга. При выступленіи отряда былъ весьма незначительный холодъ; 21 ноября была даже оттепель; но въ ночь на 22 число ртуть въ термометрѣ упала вдругъ до 20°, а на слѣдующій день понизилась еще на 10°. Сначала движеніе совершалось весьма медленно, что было впрочемъ необходимо какъ для того, чтобы при наступившей сперва ненастной погодѣ, а потомъ сильныхъ морозахъ не изнурить большими переходами людей и верблюдовъ, такъ и для того, чтобы исподо-

воль приучить людей скоро и удобно развѣивать и навѣивать верблюдовъ и ознакомить всѣхъ и каждаго съ своими обязанностями и вообще съ порядкомъ, который предписано было соблюдать при расположеніи на мѣстѣ и на походѣ. Не смотря на разительное измѣненіе температуры и почти на безпромежуточный переходъ отъ оттепели къ 30 градусному морозу въ первое время больныхъ въ отрядѣ было не много.

28 ноября отрядъ былъ у Карабутака на Илекѣ, въ 150 верстахъ отъ Оренбурга; во все это время морозы были не менѣе 15°; больныхъ въ отрядѣ было 34 человѣка, кромѣ 8 отправленныхъ въ Илецкую Защиту. На Илекѣ Перовскій получилъ свѣдѣніе, что будто бы Хивинскій ханъ намѣревается напасть на Чущка-Кульскій складочный пунктъ (*).

До сихъ поръ все еще шло хорошо. Хотя стужа и доходила весьма часто до 32°, но число больныхъ не увеличивалось сильно; болѣзни по большей части были простудныя, за исключеніемъ сибирской язвы, появившейся на людяхъ, не смотря на жестокой холодъ. Въ отрядѣ не было никакихъ безпорядковъ за исключеніемъ одного только случая, гдѣ Перовскій нашелъ необходимымъ прибѣгнуть къ своей власти. Одинъ рядовой 5-го линейнаго баталіона, бросивъ свое ружье, ночью бѣжалъ изъ цѣпи. Но сбившись съ дороги набрелъ ночью же на другую колонну, укралъ здѣсь ружье, но былъ пойманъ случайно разсыльнымъ казакомъ.

«Важность преступленія, доносилъ Перовскій военному министру, не позволяла никакимъ образомъ быть снисходительнымъ къ преступнику и надлежало непременно показать примѣръ строгости тѣмъ болѣе, что здѣшняя пѣхота никогда еще въ военное время не служила, что въ ней, не смотря на всѣ попеченія и внушенія со стороны начальства нѣтъ воинскаго духа и необходимаго въ солдатѣ повиновенія. Оказавъ сверхъ того снисхожденіе къ другому, довольно важному нарушенію военной дисциплины, я уже долженъ былъ въ настоящемъ случаѣ предать виновнаго всей строгости законовъ (**).»

1-го декабря преступникъ по приговору военного суда былъ разстрѣлянъ.

5-го декабря отрядъ прибылъ на урочище Бишъ-Томакъ, въ 270

(*) Рапортъ копитана Кавалевскаго главноуправляющему корпусомъ горныхъ инженеровъ изъ Чущка-Кульскаго укрѣпленія 25 ноября, № 28.

(**) Рапортъ Перовскаго военному министру 5-го декабря, № 6.

верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь Перовскій получилъ донесеніе, что гарнизоны въ складочныхъ пунктахъ, не смотря на хорошую пищу, страдали цынгою и нервными горячками, отъ которыхъ была значительная смертность. Сдѣлавъ на Бишъ-Томакѣ дневку, отрядъ 7-го числа при 32° мороза выступилъ далѣе и 19 числа прибылъ на Эмбу.

Во все время похода было только три дня, въ которые термометръ показывалъ 10 и менѣе градусовъ мороза въ полдень; затѣмъ 11 дней было по 14 и 20°, 12 дней отъ 20—26° и наконецъ шесть дней термометръ показывалъ отъ 26 до 32° мороза (*). При этихъ страшныхъ холодахъ отрядъ ощущалъ сильнѣйшій недостатокъ въ топливѣ. Незначительное количество дровъ, которое было при отрядѣ, расходовалось исключительно только для варки пищи; о бивачныхъ огняхъ нечего было и думать. Въ теченіе этого мѣсяца переболѣло 652 человекъ и 34 умерло.

Но еще болѣе страдали отряды, остававшіеся въ складочныхъ пунктахъ: нервныя горячки, цынга, оспа страшнымъ образомъ развивали смертность. Въ Эмбенскомъ укрѣпленіи было 170 человекъ больныхъ, а въ Акъ-Булакѣ 164. Главными причинами болѣзней и смертности были климатъ, недостатокъ въ хорошей водѣ и помѣщеніе гарнизона въ землянкахъ. Картина была тѣмъ ужаснѣе, что ничего нельзя было сдѣлать для облегченія страдальцевъ; незначительная болѣзнь, не успѣвая пройти всѣхъ періодовъ, при сильной стужѣ дѣлалась неизлечимою; лекарствъ нельзя было изготовлять, да онѣ и не дѣйствовали при 32 градусномъ морозѣ на бивакахъ подъ открытымъ небомъ.

Все это заставило Перовскаго прекратить всякое сообщеніе своего отряда съ эмбенскимъ гарнизономъ. Несмотря на то, что часть отряда легко могла бы помѣщаться въ укрѣпленіи, онъ предпочелъ остановиться на бивакахъ подъ открытымъ небомъ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ укрѣпленія.

До Эмбы отрядъ шелъ по глубокому рыхлому снѣгу, прокладывая себѣ путь цѣликомъ. Такая работа, очень утомляла людей. При сборѣ съ Киргизовъ верблюдовъ приходилось, по необходимости, принимать ихъ безъ строгой разборчивости. Уже теперь пятая часть ихъ оказывалась не надежными для дальнѣйшаго похода. Поэтому отрядъ

(*) Письмо Перовскаго графу Чернышеву 25 декабря.

не могъ взять съ собою отсюда продовольствія болѣе какъ на шесть недѣль. Въ обыкновенныхъ походахъ обозы и транспорты составляютъ меньшую часть пѣлой массы, а главнѣйшее вниманіе обращается на войска; здѣсь же было напротивъ: небольшая часть войскъ почти исчезала въ огромной массѣ подъемныхъ верблюдовъ. Несоразмѣрность каравана съ числомъ дѣйствующихъ войскъ составляла ничѣмъ не-устраиваемое неудобство, задерживавшее ходъ на каждомъ шагѣ. Небольшой отрядъ долженъ былъ ежедневно навьючивать и развьючивать до 10 т. верблюдовъ и лошадей, охранять караванъ на походѣ, а лошадей и верблюдовъ на подножномъ корму. Генералъ-маршъ били обыкновенно въ два часа утра, и слѣдовательно люди выучили верблюдовъ и выступали въ походъ еще въ потьмахъ. А между тѣмъ такое раннее выступленіе было необходимо для того, чтобы придти на ночлегъ за свѣтло и успѣть понасти верблюдовъ, которые ночью не пасутся, а лежатъ на мѣстѣ. При этой укладкѣ ихъ на ночлегъ необходимо расчищать подъ ними весь снѣгъ, даже срывать мерзлую землю и застилать мѣсто кошмами, рогожами или камышомъ. Все это составляло такую трудную, ежедневно возобновлявшуюся работу, что небольшое число войскъ, составлявшихъ отрядъ, едва въ силахъ было выносить ее. Хотя третья часть пѣхоты и сидѣла на верблюдахъ, но и это повидимому большое облегченіе мало служило въ пользу. Люди, непривычные къ трудамъ и походамъ садились на верблюдовъ послѣ сильнаго движенія въ испаринѣ, остывали и иногда отмораживали себѣ члены. По неопытности и непривычкѣ пѣхота, для которой этотъ первый опытъ показался очень труднымъ, не умѣла ни къ чему приступить, ни сберечь себя отъ простуды, ни сварить щей на бурьянѣ, навозѣ или кореньяхъ, которые часто приходилось выкапывать изъ подъ аршиннаго слоя снѣгу. Переносъ такіа трудности зимняго степнаго похода, отряду необходимъ былъ отдыхъ. Поэтому Перовскій, чтобы дать отдыхъ верблюдамъ, отдѣлить годныхъ отъ негодныхъ къ походу, выждать прибытіе свѣжихъ верблюдовъ, шедшихъ для замѣны изнуренныхъ, осмотрѣть артиллерійскіе снаряды, исправить оружіе и пересыпать хранившійся въ укрѣпленіи провіантъ, рѣшился остановиться тутъ на нѣсколько дней.

Здѣсь Перовскій узналъ о нападеніи Хивинцевъ на Акъ-Булакскій складочный пунктъ.

18 декабря въ 7 часовъ утра появился въблизи укрѣпленія довольно значительный хивинскій отрядъ. Повидимому въ немъ было отъ

2—3 тысячъ человекъ. Подойдя къ укрѣпленію, отрядъ этотъ произвелъ нападеніе одновременно со всѣхъ сторонъ.

Первый натискъ Хивинцевъ дѣйствіемъ артиллеріи и ружейнаго огня былъ отраженъ. Однако, несмотря на то, Хивинцы до темной ночи, то отступая, то собираясь, продолжали свои неудачныя покушенія. Нѣсколько разъ пытались они занять стрѣлками находившіеся вблизи укрѣпленія стога сѣна и подъ прикрытіемъ ихъ приблизиться ко рву, однако каждый разъ были выбиваемы охотниками изъ пѣхоты и казаковъ. Въ первый день имъ не удалось даже зажечь сѣно. На другой день непріятель ограничился только перестрѣлкою съ нашими часовыми, а къ вечеру совершенно удался отъ укрѣпленія. На пути, верстахъ въ 15 отъ укрѣпленія, Хивинцы встрѣтили роту линейнаго баталіона и сотню казаковъ, которые были посланы изъ Эмбы въ Акъ-Булакъ за больными. Заставъ этотъ отрядъ въ минуту его расположенія на ночлегъ, Хивинцы быстро окружили его со всѣхъ сторонъ. Сильный ружейный огонь удержалъ однако толпы и даже привелъ ихъ въ безпорядокъ. Начальникъ отряда успѣлъ устроить наскоро заваль изъ нѣсколькихъ телѣгъ и выюковъ, а потомъ сдѣлалъ вылазку. Отстрѣливаясь въ теченіе двухъ сутокъ, онъ успѣлъ вытѣснить непріятельскихъ стрѣлковъ изъ ямъ, выкопанныхъ Хивинцами въ теченіе ночи, отбилъ часть лошадей и верблюдовъ и наконецъ благополучно достигъ до Акъ-Булака (*).

На Эмбѣ же Перовскій узналъ, что провіантъ, отправленный въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ октябрѣ мѣсяцѣ и назначенный для двухмѣсячнаго продовольствія отряда, не прибылъ по назначенію, потому что суда (5 купеческихъ и 5 казенныхъ) были затерты льдомъ, нѣкоторыя въ виду укрѣпленія, а другія верстахъ въ 100 отъ Гурьева, и два вернулись обратно въ Астрахань.

По полученіи этого донесенія тотчасъ же было предписано астраханскому губернатору заготовить 1500 четвертей сухарей, съ соразмѣрнымъ числомъ крупъ и отправить часть изъ нихъ сухимъ путемъ, а часть по первой навигаціи въ Ново-Александровскъ. Кромѣ того коменданту Ново-Александровска приказано было принять мѣры къ выгрузкѣ провіанта и къ сохраненію тѣхъ судовъ, которыя были затерты въ виду укрѣпленія.

(*) Съ нашей стороны было 5 человекъ убитыхъ, 13 раненыхъ. Непріятель утналъ 31 лошадь и 41 верблюда.

Суда эти были спасены и провіантъ съ нихъ выгруженъ, тѣ же, которыя были затерты льдомъ близъ Гурьева подверглись нападенію Хивинцевъ и были ими сожжены.

Независимо отъ распоряженій по доставкѣ продовольствія въ Ново-Александровское укрѣпленіе, астраханскому военному губернатору было предписано оказывать возможное содѣйствіе Перовскому, а каспійской флотилии было поставлено въ обязанность употреблять все способы въ пользу отряда войскъ хивинской экспедиціи, еслибы въ томъ встрѣтилась надобность.

30 декабря началось дальнѣйшее движеніе отряда. Какъ ни велики были трудности похода до сихъ поръ, но онѣ были незначительны въ сравненіи съ тѣми, которыя предстояли отряду еще впереди, за Эмбою. Уже по слухамъ было извѣстно, что далѣе снѣга еще глубже. Перовскій съ первыхъ переходовъ отчасти предвидѣлъ трудности и писалъ о томъ денешу министру иностранныхъ дѣлъ.

«Переходъ отъ эмбенскаго укрѣпленія до Усть-Урта 260 верстъ будетъ для отряда тяжелъ; глубокіе снѣга затрудняютъ ходъ, изнуряютъ верблюдовъ отъ безкормицы. Колонна, выступившая тому 4 дня, прошла только двадцать верстъ; отъ этого потеря времени, провіанта и верблюдовъ. Опасаюсь, что вынужденъ буду бросить понтонны, лодки, все повозки. Получено извѣстіе изъ Оренбурга, что двухмѣсячный запасъ провіанта, который, по моему распоряженію долженъ быть въ Ново-Александровскѣ, туда не прибылъ. Это обстоятельство крайне для насъ невыгодно. На этотъ провіантъ рассчитывалъ я для возвратнаго пути, и даже, въ случаѣ крайности, то есть при сильной потери верблюдовъ на Усть-Уртѣ предполагалъ воротить на Ново-Александровскъ, а потомъ на Хиву».

«Обстоятельства, которыхъ никакія расчеты предвидѣть не могли, оказываются противными успѣху экспедиціи; но мы идемъ впередъ съ полнымъ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить волю Государа Императора» (*).

Идя къ Эмбѣ отрядъ былъ въ полной увѣренности, что за этой рѣкой, куда Киргизы уходятъ ежегодно тысячами на зимовку, все должно измѣниться, по крайней мѣрѣ снѣгъ не будетъ такъ глубокъ. Оказалось совершенно противное. Киргизы сами гибли съ своимъ скотомъ отъ необыкновенной стужи.

(*) Шифрованная депеша отъ 5 января 1840 года.

Положеніе отряда было въ высшей степени затруднительнымъ. Степь до послѣдней былинки была погребена въ снѣгу, который отъ жестокихъ и рѣдкихъ даже въ степи морозовъ и вѣтровъ сверху обратился въ кору; верблюды и лошади проваливались на каждомъ шагу по колѣна и даже по брюхо, сбивали себѣ щетки и копыта; व्यюки спадали, а кормъ, даже самый скудный, вовсе исчезъ.

Ко всему этому присоединилось еще неповиновеніе Киргизовъ. До эмбенскаго укрѣпленія, Киргизы, по донесеніямъ Перовскаго, служили хорошо и случаи побѣговъ были весьма рѣдки. Между тѣмъ въ то время, какъ отрядъ находился на Эмбѣ, между Киргизами распространился слухъ о близости хивинскаго войска и о присоединеніи къ нему Коканцевъ. Непріятельскіе лазутчики, воспользовались этимъ случаемъ и старались поколебать умы Киргизовъ страшными угрозами хивинскаго хана и несомнѣннымъ перевѣсомъ численности непріятельскихъ войскъ въ сравненіи съ нашимъ малочисленнымъ отрядомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что верблюдики цѣлой колонны, въ числѣ болѣе 300 человекъ, въ самую минуту выступленія колонны положительно и единогласно объявили, что они далѣе не пойдутъ, а вмѣстѣ съ верблюдами вернутся въ свои аулы. Всякое увѣщаніе было напрасно. Перовскій тщетно истощалъ словесныя убѣжденія; султанъ-правитель Айчуваковъ успѣлъ въ томъ не болѣе Перовскаго. Толпа увеличивалась все болѣе и болѣе, и шумными криками призывала къ себѣ товарищей; безпорядокъ возрасталъ съ минуты на минуту. Положеніе Перовскаго дѣлалось крайне опаснымъ. Малочисленный отрядъ нашъ рисковалъ быть покинутымъ въ 500 верстахъ отъ своей границы, въ открытой степи на голодную смерть. Нужно было дѣйствовать рѣшительно, не теряя напрасно ни одной минуты времени. Перовскій приказалъ окружить толпу, къ которой начали уже присоединяться Киргизы другихъ колоннъ, и объявилъ, что если они будутъ продолжать оказывать неповиновеніе, то всѣ будутъ разстрѣляны. Но и эта угроза не произвела ожидаемаго впечатлѣнія на толпу. Нѣсколько человекъ самыхъ буйныхъ выступили впередъ и прямо объявили, что они всѣ готовы на смерть, но впередъ не пойдутъ, потому что этому препятствуетъ ихъ вѣра и что въ такіе морозы караваны никогда не ходятъ. Разговаривать далѣе было опасно. Перовскій тотчасъ же приказалъ разстрѣлять одного изъ зачинщиковъ возмущенія. Но и это не помогло. Толпа оставалась въ томъ же расположеніи и духъ неповиновенія не прекращался. Только уже послѣ втораго разстрѣлен-

наго Киргиза и послѣ повторенныхъ увѣреній Перовскаго, что всѣ неповинующіеся будутъ также разстрѣляны, Киргизы смирились, стали просить помилованія и рѣшились идти далѣе (*).

Получаемыя на пути свѣдѣнія были самаго неуспокоительнаго характера. Распросы Киргизовъ и рекогносцировки убѣждали, что чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ глубже и непроходимѣе снѣга. Такое явленіе было непримѣрно въ степи. Глубокіе снѣга сильно замѣдлили движеніе отряда. Несмотря на то, что отрядъ началъ выступленіе 30 декабря, послѣдняя колонна, выступившая съ Эмбы 17 января, 30 числа еще не прибыла къ Акъ—Булаку, хотя растояніе не превосходитъ 160 верстъ; Менѣе чѣмъ въ 15 дней ни одна часть не дошла до Акъ—Булака. При всемъ томъ потеря въ верблюдахъ была несоразмѣрно велика и видимо возрастала со дня на день. Снѣгъ былъ такъ глубокъ и покрытъ такою толстою мерзлою корою, что конница едва въ состояніи была прокладывать для верблюдовъ по цѣлику нѣсколько тропинокъ; мѣстами путь должно было расчищать лопатами; бураны немедленно заметали очищенные тропинки и слѣдующія части отряда должны бѣли вновь пролагать себѣ дорогу; а это было такъ трудно, что передовыя лошади смѣнялись черезъ каждые двѣ или три версты. Верблюды двигались съ величайшимъ трудомъ; непрерывно оступались, падали, и многіе изъ нихъ уже и не вставали болѣе. Лошади и верблюды подъ артиллерією безпрестанно останавливались, и орудія нужно было вытаскивать на рукахъ, тогда какъ сами люди утопали по колѣна въ снѣгу и едва были въ состояніи двигаться съ мѣста. Всѣ кормы были занесены твердымъ, слежавшимся и смерзшимся въ одну толщу снѣгомъ; бураны, останавливая слѣдованіе отряда, по цѣлымъ днямъ прекращали всякое сообщеніе между частями, а непрерывные и жестокіе морозы, въ 20 и болѣе градусовъ, отнимали у людей всякую возможность дѣйствовать, несмотря на теплую одежду.

Изъ Оренбурга отрядъ выступилъ на 10,400 верблюдахъ; съ Эмбы съ трудомъ поднялся на 8,900, а на Акъ—Булакѣ, т. е. еще на половинѣ только цѣлаго пути, годныхъ для подъема व्यюковъ верблюдовъ оказалось 5188 штукъ. На однихъ послѣднихъ только 160 верстахъ пало ихъ 1200 головъ.

Въ такомъ положеніи находился нашъ отрядъ, едва только достигнувъ половины пути до Хивы. Что же ему оставалось дѣлать?

(*) Рапортъ Перовскаго отъ 6 января 1840 г., № 13.

На оставшихся пяти тысячахъ верблюдахъ по расчету едва можно было поднять только полное мѣсячное продовольствіе, считая тутъ же и сухой фуражъ. Между тѣмъ дойти до жилыхъ мѣстъ ханства въ одинъ мѣсяцъ не было возможности. Не говоримъ уже о томъ, что вступить въ ханство безъ всякаго запаснаго продовольствія и особенно раннею весною, когда дороги непроходимы, было бы совершенно невозможно. Занять верблюдовъ и лошадей продовольствіемъ для однихъ только людей значило бы погубить и тѣхъ, и другихъ; ни лошади, ни верблюды не дошли бы до мѣста, почему и отрядъ былъ бы въ самомъ отчаянномъ и безпомощномъ положеніи.

Но предположимъ несбыточную надежду, что отрядъ прошелъ бы вторую половину пути гораздо скорѣе первой, въ 40, 50 дней, что лошади выдержали бы походъ этотъ, состоя на одномъ гарницѣ и не получая вовсе сѣна, что такъ называемые годные верблюды были бы все обращены подъ провіантъ и дошли бы благополучно до Хивы.

Но и тогда дѣло было бы все-таки въ плохомъ положеніи.

Отрядъ выступилъ бы изъ Акъ-Булака съ продовольствіемъ на два мѣсяца. Черезъ 40 или 50 дней онъ вступилъ бы въ хивинское ханство, то есть въ непріятельскую и бѣдную хлѣбомъ землю, съ продовольствіемъ на нѣсколько дней, съ крайне изнуренными лошадьми, имѣя подъ ружьемъ вѣроятно не болѣе 1200 человекъ пѣхоты. При этомъ онъ вступилъ бы въ Хиву весною въ разливъ и распутицу, не будучи въ состояніи получить какую нибудь помощь.

Что мы черезъ это выиграли бы, и каковъ бы былъ результатъ? Вся кавалерія пришла бы въ Хиву пѣшая или въ такомъ положеніи, что никакъ не была бы въ состояніи дѣйствовать противъ непріятеля, потому что шла бы безкормными мѣстами. Не имѣя при себѣ продовольствія и не имѣя въ рукахъ средствъ заставить жителей доставлять все необходимое для лошадей и верблюдовъ, какую бы плачевную роль приходилось разыгрывать побѣдителямъ. Преодолевъ страшныя трудности на пути, потерявъ многихъ своихъ товарищей, перенеся все неудобства степнаго похода, отряду нашему предстояла бы безславная гибель въ то время, когда главная цѣль уже была достигнута и когда при другихъ обстоятельствахъ оставалось бы только наслаждаться плодами своего самоотверженія и мужества.

Но если верблюды, по обыкновенному порядку вещей до новаго подножнаго корма стали бы худать все болѣе и болѣе и слѣдовательно не дошли бы съ ношами своими до мѣста назначенія, тогда отрядъ

остался бы на Усть—Уртѣ среди безводной и безкормной пустыни, не будучи въ состояніи идти ни впередъ, ни назадъ.

Къ этому остается только прибавить, что хотя о непріятелѣ и не было въ то время никакихъ слуховъ, но что еслибы отрядъ, продолжая путь свой на Усть—Уртѣ, встрѣтилъ непріятеля, то возвращеніе его, хотя вынужденное единственно обстоятельствами, не могло уже имѣть мѣста, потому что въ такомъ случаѣ оно походило бы на отступленіе передъ Хивинцами.

Наставать долѣе на продолженіи движенія въ Хиву было бы дѣломъ только личнаго самолюбія Перовскаго, въ ущербъ самому дѣлу; это значило бы бесполезно жертвовать людьми безъ всякой надежды на успѣхъ. Оставалось только одно—вернуться назадъ. На это Перовскій и рѣшился.

Теперь мы сравнимъ первоначальное предположеніе объ экспедиціи съ тѣмъ, что сбылось на самомъ дѣлѣ.

Экспедиціи предполагалось выступить изъ Оренбурга 14 ноября на 12.000 верблюдахъ, въ 25 дней придти на Эмбенское укрѣпленіе, простоять тамъ не болѣе недѣли, поднять продовольствіе для людей и лошадей на четыре мѣсяца, пополнить вновь израсходованное количество его въ укрѣпленіи на Акъ—Булакѣ и въ 30 дней дойти до Хивы.

Все это основывалось на расчетѣ, что отрядъ долженъ пройти разстояніе до Эмбы прежде, чѣмъ глубокіе снѣга поздней зимы могли бы затруднить путь, а разстояніе отъ Эмбы до Усть—Урта, гдѣ глубокихъ снѣговъ почти никогда не бываетъ, въ концѣ декабря. Затѣмъ въ началѣ января, въ то время, когда на Усть—Уртѣ выпадаетъ снѣгъ, замѣняющій воду, отрядъ долженъ былъ подняться на Усть—Уртѣ, а оттуда спуститься въ низменность, лежащую къ югу отъ него, прежде тамошней весны, въ продолженіе которой хивинское ханство, по причинѣ грязи, происходящей отъ илистой и глинистой почвы, бываетъ непроходимо.

Кромѣ четырехмѣсячнаго продовольствія, взятаго съ собою, двухмѣсячное продовольствіе для цѣлаго отряда отправлено было моремъ въ Ново—Александровское укрѣпленіе, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ нужды можно было подвести его въ Хиву, или даже отправить этимъ путемъ часть отряда.

Наконецъ предполагалось вступить въ Хиву по крайней мѣрѣ съ 2500 человекъ пѣхоты, почему и назначено было въ походъ 2750 человекъ.

Таковы были первоначальныя предположенія. На дѣлѣ же вышло совершенно другое.

Верблюдовъ набрано было къ сроку только 10,400; остальные же, которыхъ ожидали съ Нижней линіи и съ Прорвинскихъ острововъ прямо на Эмбу, не прибыли, потому что Хивинцы успѣли подослать лазутчиковъ своихъ, которые острасткою запугали Киргизовъ и заставили ихъ отказаться отъ своего общанія.

По затрудненіямъ, встрѣченнымъ на пути отъ Бишъ-Тамака до Эмбы и по случаю жестокихъ морозовъ, отрядъ пришелъ въ укрѣпленіе только 19 декабря, то есть осмью днями позже предполагаемаго срока.

Пересылка продовольствія, устройство въюковъ, основаніе гошпиталей, перевозка больныхъ изъ Акъ-Булака, при постоянно жестокихъ морозахъ и буранахъ, крайне затруднявшихъ всякую работу на открытомъ воздухѣ, до того задержали отрядъ, что онъ выступилъ по частямъ только между 31 декабря и 16 января 1840 г.

Недостатокъ верблюдовъ, происшедшій отъ значительной убыли ихъ, позволилъ поднять съ Эмбы продовольствіе не на четыре мѣсяца, какъ это предполагалось прежде, а только на два мѣсяца и притомъ съ обращеніемъ подъ него части верблюдовъ, предназначавшихся сначала подъ сухой фуражъ. Поэтому лошади на пути отъ Эмбы, по необходимости, должны были довольствоваться уменьшенной дачею.

Буря и ледъ на Каспійскомъ морѣ разогнали всѣ суда, шедшія съ продовольствіемъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе, что лишило отрядъ его двухмѣсячнаго запаса для продовольствія.

Расстояніе отъ Эмбы до Акъ-Булака въ 160 верстѣ, а можетъ быть и менѣе, было пройдено съ величайшимъ трудомъ въ цѣлый мѣсяцъ. Стужа и бураны губили верблюдовъ сначала цѣлыми десятками, а потомъ сотнями въ день; оставшихся 5188 головъ можно было назвать годными только по сравненію съ остальными, которые были вовсе неблагонадежны.

Отъ необыкновенно суровой зимы и по совершенной непривычкѣ пѣхоты къ военнымъ трудамъ, больныхъ и слабыхъ уже на первой половинѣ пути оказалось непомѣрно много. Изъ 2750 человекъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ на Акъ-Булакѣ оставалось въ строю только 1856; изъ числа выбывшихъ изъ строя 236 человекъ умерло и 528 было больныхъ.

Таковы были причины, неотступно требовавшія возвращенія нашего

отряда назадъ. Войска гибли, не выдавъ на пути непріятеля; врагъ лютый и неотразимый преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, не давая пощады; онъ невидимо губилъ десятки людей, лошадей и верблюдовъ, усеивая голодную и безпріютную степь трупами и заматавая слѣды ихъ сугробами снѣга. Военныя картины всегда представляютъ на первомъ планѣ побѣды, торжество и лавровыя вѣнки побѣдителей; человѣкъ незнакомый съ военнымъ дѣломъ останавливается на этихъ пріятныхъ чертахъ, которыя въ сущности составляютъ чаще всего только результаты труда, постоянства и длиннаго ряда лишеній. Для всякаго человѣка итальянская кампанія 1796 года, конечно, завлекательнѣе какого нибудь степнаго похода. Противъ этого трудно возражать. Тамъ богатая и роскошная итальянская природа, роскошь городовъ, богатство, громкія побѣды и еще болѣе громкіе бюллетени, а здѣсь дикая, пустынная и снѣжная равнина, бураны заматающіе слѣды едва только протоптанной дороги, груды замерзающихъ тѣлъ верблюдовъ и лошадей, 30 градусная стужа, болѣзни и полное отсутствіе всякой надежды. Разница, правда, огромная. Но человѣкъ, изучающій военное дѣло, долженъ съ одинакимъ вниманіемъ прослѣдить какъ итальянскую кампанію Бонапарте, такъ и эту грустную эпопею 1839 и 1840 годовъ. Такой человѣкъ въ состояніи будетъ оцѣнить и сравнить подвигъ солдата съ громкимъ крикомъ рвущагося впередъ и увѣреннаго, что 40 вѣковъ смотрятъ на него съ высоты египетскихъ пирамидъ, а благородная Франція рукоплещетъ ему, съ подвигомъ другаго солдата, который, не крича и не лаская себя надеждой, что его прославятъ, но, сознавая долгъ свой, безмолвно обрекаетъ себя на смерть среди снѣжной ровнины, твердо будучи увѣренъ, что и ближайшіе-то родные его съ трудомъ узнаютъ, что онъ умеръ въ какомъ-то походѣ, гдѣ-то очень далеко.

1 февраля Перовскій отдалъ по отряду приказъ, возвѣстившій обратное движеніе на линію.

«Товарищи, говорилъ онъ, скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолевая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ кормы. Намъ не было даже отрады встрѣтиться съ непріателемъ, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничто-

жество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно намъ измѣнило! Значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилѣли, — и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній государя императора; въ другой разъ будемъ счастливы. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждого при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемиловитѣйшій государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всѣмъ».

Рѣшаясь начать обратное движеніе, Перовскій не обманывалъ себя напрасною надеждою; онъ зналъ, что обратный путь будетъ не легче. «Окончательно не могу умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ, писалъ онъ военному министру, что обратный путь нашъ будетъ и теперь уже не менѣе затруднителенъ какъ и передній; одно только четырехмѣсячное продовольствіе, сложенное на Эмбѣ, обезпечить по крайней мѣрѣ съ этой стороны существованіе отряда; но совершенный недостатокъ дровъ и кормовъ, глубокіе снѣга и постоянно жестокая стужа безъ сомнѣнія окажутъ вредное вліяніе свое на здоровье людей и на скотъ, а по недостатку и слабости верблюдовъ большая часть отряда должна будетъ остаться въ укрѣпленіи на Эмбѣ до весны».

Въ то же время Перовскій послалъ на рекогносцировку къ Усть-Урту полторы сотни казаковъ при одномъ горномъ орудіи. Возвратившіеся съ рекогносцировки, уральскаго войска полковникъ Бизяновъ и генеральнаго штаба капитанъ Рехенбергъ донесли, что до самаго подъема, слишкомъ на 100 верстъ отъ Акъ-Булака, снѣга еще несравненно глубже и всѣ корма и топливо занесены. На Усть-Уртѣ, по которому Бизяновъ прошелъ верстъ 20, снѣгу было также весьма много, хотя и менѣе, чѣмъ внизу. Рекогносцировка продолжалась семь дней; во все это время не было и видно слѣдовъ непріятеля, что объясняется необыкновенною суровостью зимы. Во все время морозъ доходилъ до 29 и 30 градусовъ. Последняя колонна присоединилась къ отряду только 2 февраля; по сведеніи счетовъ оказалось, что со дня выступленія съ Эмбы по 4 февраля включительно отрядъ потерялъ 1958 верблюдовъ, а въ теченіе 5, 6 потеря эта возрасла до 2100. Оставшіеся еще въ живыхъ, верблюды были уже такъ слабы, что двѣ первыя колонны при выступленіи своимъ 4 и 5 фев-

раля въ обратный путь принуждены были бросить и истребить 36-ти дневное продовольствіе, поднявъ съ собою только свое собственное продовольствіе на одинъ мѣсяць. Въ такой же необходимости находились и остальные двѣ колонны. Подъ паркъ и подъ больныхъ, число которыхъ въ пѣхотѣ возрастало со дня на день, выбраны были лучшіе въ отрядѣ верблюды; но и изъ этихъ—то лучшихъ многіе легли на первомъ же переходѣ.

Самъ Перовскій съ половины пути отправился впередъ въ Эмбенское укрѣпленіе, чтобы выбрать удобнѣйшее для лагеря мѣсто и сдѣлать разныя необходимыя распоряженія. Онъ думалъ собрать у Киргизовъ хотя нѣкоторое число верблюдовъ, чтобы тотчасъ же отправить на линію артиллерійскій паркъ.

Что касается до времени выступленія отряда съ Эмбы, то Перовскій ничего еще не зналъ самъ, потому что неизвѣстно было сколько изъ оставшихся верблюдовъ дойдеть до Эмбы. Онъ не сомнѣвался только въ томъ, что далѣе Эмбы не пойдетъ ни одинъ верблюдъ (*).

При обратномъ слѣдованіи нужно было употребить всѣ средства, чтобы достигнуть Эмбы до распутицы, которую, по обыкновенному порядку вещей, нужно было ожидать со дня на день. Поэтому отрядъ, несмотря на постоянную 25 градусную стужу, перемежавшуюся только пагубными для скота буранами, слѣдовалъ усиленными переходами безъ дневокъ. Верблюдовъ на пути поддерживали сухарями, мукой и овсомъ, безъ чего бы большая часть изъ нихъ вовсе не дошла бы до мѣста. Такимъ образомъ, истребивъ еще дорогою нѣкоторое количество разнаго рода продовольствія, употребивъ разборныя лодки, настилку отъ пантоновъ, всѣ запасныя веревки и канаты на топливо, побивувъ разныя тяжести, колонны отряда къ 18 февраля стянулись къ эмбенскому укрѣпленію, потерявъ въ послѣдніе десять дней еще 1780 верблюдовъ. Остальные уже такъ были изнурены, что войска, не будучи въ состояніи поднять всего продовольствія на верблюдахъ, пришли къ укрѣпленію съ навьюченными казачьими лошадьми.

На этотъ разъ отрядъ расположился на рѣкѣ Темирѣ верстахъ въ 30 или 40 отъ эмбенскаго укрѣпленія. Причинъ такого выбора пункта и предпочтенія передъ эмбенскимъ укрѣпленіемъ было много.

(*) Донесеніе Перовскаго, 7 февраля, № 15.

Близъ эмбенскаго укрѣпленія вовсе не было ни топлива, ни кормовъ для лошадей и верблюдовъ; между тѣмъ все это можно было найти на Темирѣ.

Тамъ же можно было удобнѣе и просторнѣе размѣстить больныхъ, потому что были кое-какія средства для постройки балагановъ.

Наконецъ окрестности укрѣпленія имѣли солонцеватую и глинистую почву съ вязкимъ грунтомъ, тогда какъ на Темирѣ грунтъ земли песчаный и послѣ таянія снѣговъ скоро пересыхаетъ (*).

Время, которое долженъ былъ отрядъ провести здѣсь зависѣло главнымъ образомъ отъ успѣха при сборѣ верблюдовъ, которыхъ было необходимо собрать не менѣе 3500 штукъ (**).

Исполнить же это, въ особенности въ короткій срокъ, было весьма трудно. Для этого нужно было посылать команды въ тѣ киргизскіе улусы, которые не участвовали въ первой поставкѣ и которые, пользуясь удаленіемъ своимъ отъ линіи, не покорялись русскому начальству. Доставить же отряду какія нибудь перевозочныя средства изъ Оренбурга было невозможно потому, что казаки и безъ того были чрезвычайно обременены, а ближайшія племена Киргизовъ уже участвовали въ первоначальной поставкѣ верблюдовъ.

Въ ожиданіи сбора верблюдовъ, Перовскій началъ очищать эмбенское укрѣпленіе, рассчитывая къ веснѣ оставить его вовсе, какъ потому, что весь лѣвый берегъ Эмбы представляетъ весною едва проходимую грязь, такъ и по причинѣ множества павшаго скота и другихъ нечистотъ, скопившихся въ самомъ укрѣпленіи отъ продолжительнаго пребыванія войскъ. Уже въ концѣ февраля большая часть продовольствія была вывезена изъ укрѣпленія, сложена на мѣстѣ стоянки колоннъ и покрыта лубками и рогожками. Несмотря на непрерывную работу, едва только успѣвали расчищать снѣгъ безпрестанно заносившій складки провіанта. Поэтому надо было опасаться, что съ наступленіемъ теплой погоды значительная часть запасовъ, особенно сухарей, окажется испорченною. Въ самомъ укрѣпленіи оставалась только часть продовольствія, артиллерійскій паркъ и больные, которые по случаю постоянно жестокихъ морозовъ и бурановъ не могли еще быть перевезены. Для нихъ впрочемъ уже были устроены при колоннахъ просторные камышевые балаганы, внутри одѣтые вой-

(*) Докладная записка военному министру подполковника Данилевскаго.

(**) Рапортъ Перовскаго, 20 февраля, № 18.

локомъ. Оставить всѣхъ больныхъ въ укрѣпленіи было бы неудобно: тогда легко могли развиваться такъ называемыя госпитальныя болѣзни, что значительно усилило бы между войсками смертность.

По сдѣланному расчету по 20 февраля, оказывалось, что всѣхъ больныхъ обратилось въ отрядъ и въ укрѣпленіяхъ 3124 человека, умерло 608 и состояло больныхъ къ 20 февраля 565 человекъ (*). Въ отрядъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, приходилось больныхъ и умершихъ:

	Больныхъ.	Умершихъ.
Въ пѣхотѣ	1 на 2-хъ	1 изъ 14-ти
Въ дивизіонѣ 1-го оренбургскаго полка.	1 на $2\frac{3}{10}$ ч.	1 изъ 26
Между оренбургскими казаками . . .	1 на $4\frac{3}{10}$ "	1 изъ 34
Между уральскими казаками	1 на 27 "	1 изъ 200

Въ обѣихъ укрѣпленіяхъ число обратившихся больныхъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ далеко превышало число больныхъ въ отрядъ; умершихъ же приходилось

Въ пѣхотѣ 1 на $2\frac{6}{10}$, т. е. изъ 5 здоровыхъ умерло 2.
Между оренбургскими

казаками. 1 на $6\frac{8}{10}$, т. е. изъ 34 " " 5.

Если при этомъ взять во вниманіе то обстоятельство, что Уральцы, выставившіе уже прежде нѣсколько полковъ на внѣшнюю службу, вышли для настоящей экспедиціи безъ всякаго выбора, тогда какъ въ прочихъ войскахъ былъ сдѣланъ, по возможности, выборъ, и слабые были оставлены дома, то нельзя не удивляться крѣпости здоровья и сносливости уральскихъ казаковъ, нельзя не отдать имъ справедливости, что они въ предпріятіяхъ подобнаго рода незамѣнимы и неоцѣненны.

По приведеніи въ точную извѣстность всѣхъ запасовъ, покинутыхъ по недостатку въ верблюдахъ, на переходъ отъ Акъ-Булака къ Эмбѣ оказалось, что сухарей и муки брошено 50 дневное на весь отрядъ продовольствіе; крупъ 83 дневное, овса—2-хъ недѣльное, соли на 105 дней и еще до 100 выюковъ разныхъ другихъ тяжестей, не считая лодокъ, канатовъ и прочаго, бывшаго на подводахъ.

Чтобы сберечь по возможности фуражъ, Перовскій 22 февраля

(*) Рапортъ Перовскаго 29 февраля, № 22.

выслать на линію дивизіонъ 1-го оренбургскаго полка, выбравъ для того до 350 верблюдовъ, которые, повидимому, обѣщали дойти до мѣста. Семь сотъ верблюдовъ было оставлено при колоннахъ для подвозки продовольствія, а остальные были угнаны на пастбу въ лучшія мѣста. Для сбора новыхъ верблюдовъ Перовскій послалъ 5 марта, внизъ по Эмбѣ, султана-правителя Айчувакова съ 3 сотнями уральскихъ казаковъ при одномъ горномъ единорогѣ.

Морозы между тѣмъ продолжались постоянно. 24 февраля было 26°, въ слѣдующіе за тѣмъ дни по 15, 16 и 18°. Вывѣренный термометръ за 101 день, со дня выступленія, показывалъ среднюю температуру—18°; февральскіе бураны свирѣствовали съ жестокостью. Люди, хотя и не нуждались на теперешнемъ мѣстѣ стоянки такъ сильно въ топливѣ, но самое топливо было чрезвычайно сыро и потому плохо горѣло и дымилось. Какъ отъ этого, такъ и отъ чрезвычайнаго блеска снѣга въ ясные дни, стали появляться, несмотря на то, что все люди были снабжены плетеными волосяными наглазниками, глазныя болѣзни.

Въ срединѣ марта эмбенское укрѣпленіе было совершенно очищено. Число больныхъ людей между тѣмъ постоянно увеличивалось. Въ это время ихъ считалось 801 человекъ; главная болѣзнь была цыга. 18 марта былъ первый день со времени выступленія въ походъ, что термометръ показывалъ въ тѣни выше нуля. Средняя же температура за первые 17 дней марта была 12°. Въ отрядѣ начались разныя приготовленія для дальнѣйшаго похода на линію.

1-го апрѣля самъ Перовскій отправился въ Оренбургъ, поручивъ начальствованіе отрядамъ генералъ-лейтенанту Толмачеву. Изъ 10,400 верблюдовъ, съ которыми отрядъ выступилъ въ походъ, теперь оставалось въ живыхъ только тысяча. Погода все время стояла дурная, и хотя снѣгъ въ это время уже сошелъ, но трава еще не показывалась. Число больныхъ увеличивалось и къ началу апрѣля дошло до 857; къ 8 числу больныхъ было уже 950 человекъ. Въ теченіе трехъ недѣль умерло 127 человекъ. Со дня выступленія отряда съ линіи до начала мая умерло 844 человека нижнихъ чиновъ; въ срединѣ мая число больныхъ возрасло до 1130 человекъ.

По возвращеніи Айчувакова, Перовскій послалъ его съ пятью сотнями уральскихъ казаковъ при двухъ горныхъ единорогахъ, подъ начальствомъ подполковника Бизякова, для наказанія Адаевцевъ, виновныхъ въ захваткѣ нашихъ рыбопромышленниковъ, въ сожженіи су-

довъ, зимовавшихъ у Прорвинскихъ острововъ, и главымъ образомъ въ захватѣ корнета Аитова.

Еще до начала экспедиціи корнетъ Аитовъ былъ посланъ для сбора верблюдовъ у Киргизовъ, кочующихъ по берегу Каспійскаго моря отъ Гурьева до Прорвинскихъ острововъ. Во время слѣдованія своего къ дѣйствующему отряду, Аитовъ былъ задержанъ Киргизами и доставленъ ими въ Хиву.

Подполковникъ Бизановъ, преслѣдуя Киргизовъ, удалявшихся къ хивинскихъ предѣламъ, успѣлъ вторично побывать на Усть-Уртѣ. Поискъ Бизанова былъ совершенъ отъ р. Эмбы чрезъ р. Сагизъ, во время весеннихъ разливовъ, всего съ девятидневнымъ продовольствіемъ; казаки проходили при этомъ по 60 и 80 верстъ въ день; только одна усталось лошадей принудила ихъ вернуться назадъ.

Возвращаясь къ отряду, Бизановъ внезапно напасть на Адаевцевъ и уничтожилъ до 450 человекъ, безъ всякой съ нашей стороны потери. 13 мая онъ былъ уже на уральской линіи въ калмыковской станицѣ.

Сборъ верблюдовъ, между тѣмъ, шелъ весьма медленно, потому что ближайшіе киргизскіе аулы откочевали далеко отъ мѣста стоянки отрядовъ. Причина ранней и дальней откочевки ихъ происходила, какъ отъ жестокости зимы и желанія вознаградить грабежемъ падежъ своего скота, такъ и отъ присутствія въ степи хивинскихъ отрядовъ.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ съ наступленіемъ весны перешелъ Усть-Уртъ, дошелъ до Акъ-Балука и, не встрѣтивъ тамъ нашихъ войскъ, расположился въ видѣ наблюдательнаго поста. Откомандированіе въ это время уральскихъ казаковъ для сбора верблюдовъ, лишило возможности нанести Хивинцамъ пораженіе при Акъ-Булакѣ; остальную кавалерію нельзя было послать, потому что она была необходима для прикрытія скота.

Между тѣмъ изъ Хивы, гдѣ по суровости бывшей зимы и непроходимости снѣговъ не знали еще ничего вѣрнаго объ отступленіи нашего отряда, прибылъ въ Оренбургъ гонецъ съ письмомъ отъ хана на имя государя, отъ Мегтера на имя Перовскаго и съ донесеніемъ корнета Аитова. Бумаги эти, содержаніе которыхъ видимымъ образомъ клонилось только къ проволочкѣ времени, были препровождены Перовскимъ въ Петербургъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Перовскій же отвѣчалъ, что, получивъ повелѣніе идти на Хиву войною, онъ уже не можетъ отъ себя входить ни въ какіе переговоры.

Въ срединѣ мая мѣсяца отрядъ былъ окончательно снабженъ всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго пути и 18 мая выступилъ съ Темира въ двухъ колоннахъ. Къ 20 числу всѣхъ больныхъ состояло въ отрядѣ 16 оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ два врача, и 1195 человекъ нижнихъ чиновъ. Всѣ больные были размѣщены частью на конныхъ и воловьихъ повозкахъ, частью же въ койкахъ, привѣшанныхъ попарно на верблюдахъ. Съ открытіемъ весны цынготная болѣзнь стала уменьшаться, но за то начали свирѣпствовать горячки (*).

8 іюня отрядъ прибылъ наконецъ въ Оренбургъ, пробывъ отъ 8—13 мѣсяцевъ въ степи. Въ теченіе похода умерло всѣхъ чиновъ 1054 человекъ; по приходѣ же въ Оренбургъ больныхъ было сдано въ госпиталь 609 человекъ.

Такъ плачевно окончилось на этотъ разъ предпріятіе, стоившее намъ огромныхъ издержекъ и пожертвованій людьми. Впрочемъ, дѣло на этомъ не остановилось.

С. ЗЫКОВЪ.

(*) Разновременныя донесенія Перовскаго.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-ВЕЗБОРОДНО.

1862.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИШЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лнн., № 25.

ХИВИНСКІЯ ДѢЛА.

1839-1842.

(Окончаніе).

II.

Приготовленія къ новой экспедиціи. Высылка хивинскимъ ханомъ русскихъ плѣнныхъ. Сношенія съ Хивой. Посольство Никифорова. Смерть его. Отправленіе Данилевскаго. Переговоры и смерть хивинскаго хана. Заключеніе обязательнаго акта.

Неудачный исходъ экспедиціи съ 1839 на 1840 годъ не остановилъ дальнѣйшихъ намѣреній нашего правительства, которое рѣшилось во что бы то ни стало настаивать на исполненіи задуманнаго предпріятія.

Уже въ то время, какъ отрядъ оставался на Эмбѣ въ ожиданіи весны и прибытія верблюдовъ, дѣлались новыя распоряженія для вторичнаго поиска противъ Хивы (*). Государь, прочитавъ донесеніе о возвращеніи отряда, тотчасъ же повелѣлъ приступить безотлагательно къ предварительнымъ приготовленіямъ для возобновленія экспедиціи, при первой возможности. Приготовленія эти состояли: въ сформиро-

(*) Арх. в. т. депо № 49, 862.

ваніи отряда, заготовленіи продовольствія и прочихъ запасовъ и въ приобрѣтеніи перевозочныхъ средствъ (*).

Относительно продовольствія предписано было начальнику штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса немедленно приступить къ перепеченію изъ неприкосновенныхъ запасовъ Оренбургскаго корпуса четырехъ мѣсячной пропорціи сухарей на 10 т. человекъ.

Наконецъ перевозочныя средства опредѣлялись рѣшеніемъ вопроса: когда возобновить экспедицію, зимою или лѣтомъ, и какъ направить ее—сухимъ путемъ или моремъ?

Хотя Петръ 1-й за 120 лѣтъ предъ тѣмъ ходилъ по Каспійскому морю съ цѣлымъ корпусомъ, но такъ какъ способовъ къ тому въ 1840 году не имѣлось, то для собранія сколь можно болѣе положительныхъ свѣдѣній о числѣ судовъ, которыя можно приобрѣсти въ Саратовѣ и Астрахани наймомъ, и объ удобствахъ амбаркаціи былъ посланъ контръ-адмиралъ Римскій-Корсаковъ.

Перовскому же предписано было представить подробныя соображенія по всѣмъ предметамъ о возобновленіи экспедиціи противу Хивы, причемъ ему сообщены были замѣчанія государя о невозможности предпринять эту экспедицію въ зимнее время, потому что первая неудача «извиняется незнаніемъ трудностей, повтореніе той же ошибки было бы непростительно».

Римскій Корсаковъ донесъ, что перевозка отряда отъ Саратова до Астрахани можетъ быть совершена въ 15 дней, безъ особенныхъ препятствій, посредствомъ найма вольныхъ судовъ, примѣрно за 100 руб. ассигнаціями. Но дальнѣйшая перевозка отряда къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря почти невозможна не только въ полномъ его составѣ, но и въ половинномъ, какъ по недостатку судовъ въ Астрахани, такъ и по случайностямъ сплава внизъ къ обмелѣвшимъ устьямъ Волги и затрудненіямъ, предстоящимъ къ высадкѣ войскъ у пустыннаго банка, въ совершенно открытомъ морѣ, въ разстояніи 100 верстъ отъ города.

На свободныхъ судахъ каспійской флотиліи нельзя было посадить болѣе 320 чел. Затѣмъ въ Астрахани можно еще было нанять до 70 судовъ разной величины; но до 60-ти изъ нихъ, употребляемыя для рыбной промышленности, по своей неопытности отъ рыбьяго жи-

(*) Для сформированія новаго отряда назначены были части войскъ отъ 18 пѣхотной дивизіи, въ составѣ одной бригады и одной пѣшей батареи.

ра, вреднаго для здоровья людей, негодны къ перевозкѣ войскъ. И-такъ за исключеніемъ этихъ судовъ остается для перевозки отряда только 10 годныхъ судовъ, между тѣмъ какъ по расчету Римскаго Корсакова ихъ необходимо было 162. Еслибы даже разрѣшено было употребить суда рыбопромышленныя, то и тогда перевозка отряда не могла быть произведена иначе, какъ по частямъ, по-баталіонно или по шести ротъ, но никакъ не болѣе. Сверхъ того, при дурномъ качествѣ этихъ плоскодонныхъ судовъ, морское плаваніе на нихъ до восточныхъ береговъ Каспійскаго моря опасно и съ переменными противными вѣтрами могло продлиться болѣе мѣсяца.

По отзыву Римскаго-Корсакова наемъ и приготовленіе 70 судовъ съ другими нужными расходами обошелся бы около 500 т. руб. асс. На постройку же новыхъ болѣе удобныхъ судовъ потребовалось бы выше 1 м. руб. асс., и въ этомъ случаѣ должно было бы перевести изъ балтійскаго и черноморскаго флотовъ до 20 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ.

Изъ числа пунктовъ, предназначавшихся для высадки, Красноводская коса безводна и слишкомъ отдалена отъ Астрахани и Гурьева; укрѣпленіе Ново-Александровское недоступно даже для транспортныхъ судовъ, а Сарташская пристань, на старомъ Мангишлакѣ, по мелководію и открытому своему положенію, затруднительна для десанта. Самый выгодный въ этомъ отношеніи пунктъ, по близости къ Астрахани и спокойному рейду, есть новый Мангишлакъ на мысѣ Тюкь-Караганъ.

Донесеніе Римскаго Корсакова было сообщено для надлежащаго соображенія Перовскому, который вслѣдъ затѣмъ представилъ подробное предположеніе о вторичномъ походѣ на Хиву.

Полагая, что рѣшительнаго вліянія на среднюю Азію невозможно достигнуть однимъ ударомъ, потому что для этого потребовались бы слишкомъ большія усилія, продолжительное время, а болѣе всего точное и подробное знаніе ближайшей къ Аральскому морю мѣстности, Перовскій ограничивалъ цѣль второй экспедиціи наказаніемъ ханства, т. е. разореніемъ городовъ, освобожденіемъ плѣнныхъ, смѣною хана и, если возможно, сборомъ значительной контрибуціи. Что же касается до упроченія нашего вліянія въ средней Азіи, то Перовскій для этого полагалъ необходимымъ занятіе и заселеніе устьевъ Сыръ-Дарьи.

Цѣль экспедиціи указывала, что она не могла имѣть вида набѣ-

га, потому что набѣгъ за 1500 верстъ чрезъ необитаемыя и безплодныя пустыни въ землю бѣдную и малоизвѣстную, окруженную кочевыми и хищными народами, есть дѣло почти невозможное или по крайней мѣрѣ подверженное величайшему сомнѣнiю. Это подтверждаютъ и всѣ прежнiе опыты, окончившiеся гибельно. Уральскiе казаки сдѣлали набѣгъ на Хиву съ атаманомъ своимъ Нечаемъ, во время хана Арапъ Магомеда, разорили и разграбили ханство, но на обратномъ пути были истреблены до послѣдняго. Почти та же участь постигла князя Бековича Черкаскаго. Всѣ дальнѣйшiе поиски на Усть-Уртъ и къ Аральскому морю Хивинцы считаютъ неудачными набѣгами, а послѣднiй недоконченный походъ долженъ былъ еще болѣе увеличить самоувѣренность Хивинцевъ. Вотъ по какимъ причинамъ, не будучи въ возможности обезпечить себя противъ случайностей природы и стихiй, Перовскiй считалъ по крайней мѣрѣ необходимымъ ручаться за вѣрный успѣхъ во всякой борьбѣ съ препятствiями, которыя могли быть поставлены самымъ непрiателемъ, и доставить отряду средства дойти до Хивы въ достаточныхъ силахъ, а тамъ дѣйствовать, не завися на первое время отъ туземныхъ способовъ.

Разсматривая эту экспедицiю въ послѣднемъ отношенiи, Перовскiй заключилъ, что она должна быть продолжительнымъ походомъ значительнаго отряда, обезпеченнаго продовольствiемъ и другими нужными запасами. Сообразно съ этимъ онъ представилъ слѣдующiя соображенiя о снаряженiи экспедицiи.

Дѣйствующiй отрядъ долженъ былъ состоять изъ 4 баталiоновъ пѣхоты, 4 казачьихъ полковъ, 2500 верблюдожатыхъ и возчиковъ изъ казачьяго войска, 1000 человекъ Киргизъ Кайсаковъ, двѣнадцати 6 фунтовыхъ пушекъ, восьми $\frac{1}{4}$ пуд. единороговъ, восьми 10 фунтовыхъ горныхъ единороговъ, четырехъ 3 фунтовыхъ и 6 когорновыхъ мортирокъ.

Пѣхота должна была быть составлена изъ отобранныхъ по здоровью людей, а конница—изъ казаковъ и преимущественно уральскихъ, которыхъ заставляетъ предпочитать прочимъ войскамъ большой навыкъ къ степной жизни, знанiе непрiателя и необыкновенная способность къ перенесенiю всѣхъ трудовъ и лишенiй.

Артиллерiя была назначена въ большемъ числѣ, чѣмъ это принято въ основныхъ правилахъ военнаго искусства, потому что въ ней заключается главное преимущество надъ Хивинцами. Всѣ артиллерiй-

скія лошади должны были быть замѣнены степными или башкиреки-ми, какъ исключительно способными вынести зимній степной походъ.

Заготовленія по артиллерійской, инженерной, госпитальной и медицинской частямъ предположено было сдѣлать по примѣру первой экспедиціи и сообразно величинѣ отряда.

Принявъ во вниманіе чрезмѣрные труды зимняго степнаго похода, Перовскій признавалъ необходимымъ, кромѣ пайка, выдавать людямъ ежедневно мясо, вино, а гдѣ представится возможность—довольствоваться зеленью и овощами. Всѣхъ лошадей въ продолженіи осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ поддерживать постоянно овсомъ; на упряжныхъ воловъ и верблюдовъ также взять хотя небольшое количество сухаго фуража, для подкрѣпленія ихъ въ крайнихъ случаяхъ.

Продовольствіе для отряда должно было быть заготовлено:

- 1) На три мѣсяца пути отъ Оренбурга до Хивы.
- 2) На одинъ мѣсяць стоянки при послѣднемъ складѣ въ ожиданіи снѣга.
- 3) На два мѣсяца пребыванія отряда въ самомъ ханствѣ.
- 4) На три мѣсяца обратнаго пути.
- 5) Трехъ-мѣсячное продовольствіе для отряда въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи.

Главныхъ видовъ перевозки экспедиціонныхъ тяжестей представлялось три:

- 1) Доставка ихъ на линію.
- 2) Предварительный подвозъ на складочные пункты.
- 3) Подъемъ запасовъ съ отрядомъ.

Доставку на линію и въ первый складочный пунктъ предполагалось произвести вольнонаемными лошадьми, для перевозки же изъ перваго во второй складочный пунктъ назначалось 6 т. башкирскихъ подводъ, а для подъема тяжестей при отрядѣ необходимо было 17 т. верблюдовъ и 6 т. воловъ.

Для покрытія всѣхъ издержекъ по снаряженію экспедиціи, а также на экстраординарные расходы, Перовскій просилъ до 2,690,000 р. серебромъ.

Разбирая путь дѣйствій, ведущій отъ предѣловъ Россіи въ ханство Хивинское чрезъ Каспійское море, Перовскій находилъ только одно Ново-Александровское укрѣпленіе, по причинѣ близости его къ Астрахани и вообще къ мѣстнымъ способамъ Оренбургскаго края, болѣе удобнымъ для склада продовольственныхъ запасовъ. Но затруднитель-

ность плаванія къ этому укрьпленію, по мелководію и извилистому фарватеру, утесистые берега, неудобные для выгрузки, гибельная для здоровья людей мѣстность, немѣнѣе корма и наконецъ дурное свойство воды и недостаточное количество ея дѣлали выборъ этого пункта совершенно невозможнымъ и заставляли предпочесть пути, ведущіе отъ Оренбургской линіи по восточной и западной сторонамъ Аральскаго моря. Разсматривая же эти пути, Перовскій опять отдавалъ преимущество тому, по которому слѣдовалъ отрядъ въ 1839 году.

Въ заключеніе Перовскій излагалъ причины, по которымъ предполагавшаяся экспедиція, сходная по цѣли, характеру и образу дѣйствія съ предыдущею, требовала однакожь гораздо болѣе средствъ и времени для снаряженія. Обстоятельство это онъ объяснялъ тѣмъ, что вторая экспедиція есть дѣло уже не новое, но повтореніе похода недавняго и притомъ неудачнаго.

Усилія, доставившія въ 1839 году возможность снарядить экспедицію въ теченіи 8 мѣсяцевъ, съ весьма ограниченными издержками, не могли быть вскорѣ повторены. Башкирское войско напримѣръ выставило тогда, для одной только перевозки тяжестей къ становищамъ, 7,500 троеконныхъ телегъ, причемъ всѣ возчики состояли на своемъ продовольствіи и безъ всякаго пособія отъ казны. Изъ этого числа подводъ слишкомъ 8 т. лошадей погибло, не достигнувъ обратно границы, а телѣгъ значительная часть была брошена и сожжена.

Изъ верблюдовъ 10,400 были взяты отъ Киргизовъ съ сѣдлами, попонами и возчиками съ платою по 10 руб. сер. за каждаго, что и превратило этотъ наемъ въ натуральную и тяжкую повинность, тѣмъ болѣе, что верблюды эти, стоявшіе до 1½ м. руб. ассигн., всѣ погибли въ сѣбгахъ за Эмбою.

Повтореніе подобныхъ пожертвованій, когда ни Башкиры, ни Киргизы не успѣли еще оправиться, было невозможно; а потому, при покупкѣ верблюдовъ и телѣгъ и при наймѣ лошадей, денежныя издержки предполагавшагося похода должны были неминуемо превзойти въ пять разъ расходы предшествовавшей экспедиціи.

Вторая экспедиція, не смотря на увеличеніе расходовъ, не могла быть снаряжена немедленно, по причинѣ совершенной невозможности приобрести въ скоромъ времени верблюдовъ и самую покупку; потому что даже и удаленныя племена, не участвовавшія въ поставкѣ вьючнаго скота для первой экспедиціи, потерпѣли значительный уронъ въ немъ отъ чрезвычайно жестокой зимы. Доказательствомъ этому мо-

гло служить долгое расположеніе отряда на Эмбѣ, когда сборъ 3 т. верблюдовъ требовалъ необыкновенныхъ усилій и продолжительнаго времени.

Наконецъ измѣненія и предосторожности, внушенныя опытомъ, также не мало содѣйствовали къ увеличенію издержекъ и времени, потребныхъ для снаряженія. Въ продолженіи послѣдняго похода на Хиву, два предмета преимущественно обратили на себя вниманіе: верблюды, какъ прямая причина неудачи, и пѣхота, чрезвычайно много потерцѣвшая. Поэтому, для отвращенія въ будущемъ гибели первыхъ, слѣдовало принимать ихъ съ разборчивостію, собирать заблаговременно, предварительно выкормить ихъ и заготовить нѣсколько сухаго фуража, для поддержанія ихъ во время пути. Что же касается до пѣхоты, то ее необходимо было составить изъ людей избранныхъ по здоровому сложенію, въ особенности избѣгать такихъ, которые склонны къ скорбуту или прежде были подвержены этой болѣзни.

Государь, прочитавъ предположеніе Перовскаго и не раздѣляя мнѣнія его насчетъ представленныхъ имъ для возобновленія экспедиціи соображеній, приказалъ разсмотрѣть означенное предположеніе въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ вице-канцлера, военного министра и Перовскаго.

Но едва только было приступлено къ совѣщаніямъ, какъ Перовскій донесъ (*), что ханъ хивинскій, постигнувъ наконецъ вредъ, претерпѣваемый подданными его отъ непріязненныхъ сношеній съ Россією, рѣшился выполнить долготѣнее требованіе русскаго правительства, то есть: отпустить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, запретивъ привозъ ихъ въ Хиву и на будущее время, и чрезъ посланнаго своего ходатайствовать у государя извиненія за прежніе грабежи и разбои.

Караванъ съ плѣнными и посланцемъ былъ отправленъ прямо на Ново-Александровское укрѣпленіе. Извѣстіе объ этомъ было доставлено корнетомъ Анитовымъ, который прежде всѣхъ былъ освобожденъ ханомъ и 20 августа прибылъ въ Оренбургъ.

Корнетъ Анитовъ сообщалъ, что англійское правительство, опасаясь движенія нашихъ войскъ на Хиву, отправило къ хану для переговоровъ капитана Аббота. Однако переговоры эти произвели мало вліянія на Алла-Кула, который даже велѣлъ посланнаго убить. Гораздо сильнѣе подѣйствовалъ на хивинскаго хана неудачный походъ его отря-

(*) Донесеніе Перовскаго 31 августа 1840 г., № 814.

да, составленнаго изъ отборныхъ войскъ, подъ начальствомъ кушбеги. Последний торжественно обѣщалъ привести всѣхъ Русскихъ связанными, а вмѣсто того возвратился, разбитый горестью нашихъ солдатъ, съ половиннымъ числомъ своихъ людей.

Послѣ этого неудачнаго похода хивинскихъ войскъ, ханъ сдѣлался сговорчивѣе и представленія Аитова о невозможности для Хивы ни противиться намъ вооруженною рукою, ни существовать безъ торговли нашей, снабжающей ханство нужнѣйшими продуктами, сильно подѣйствовали на Алла-Кула, не смотря на противорѣчія многихъ изъ его приближенныхъ.

Прибывшій въ то же время въ Хиву членъ англійскаго посольства въ Гератъ, капитанъ Шекспиръ, убѣждалъ также хана въ необходимости примириться съ Россіею, освободивъ первоначально всѣхъ плѣнныхъ.

Ханъ совершенно согласился на эту мѣру, но мало надѣялся на дѣйствительность ея, опасаясь, что русскіе видятъ въ захватѣ плѣнныхъ только предлогъ къ завоеванію Хивы и что по возвращеніи ихъ будутъ требовать уплаты за разбитый караванъ, а потомъ пеню за смерть Бековича Черкаскаго. Въ этой мысли поддерживали хана киргизскіе султаны, братья его и многіе изъ окружающихъ, такъ что онъ находился въ постоянномъ колебаніи и нерѣшимости. Но наконецъ Аитову удалось превозмочь всѣ затрудненія, и 16 іюля былъ объявленъ ханскій фирманъ, которымъ воспрещалось впредь подданнымъ хивинскимъ брать въ плѣнъ Русскихъ и привозить ихъ въ Хиву; а вслѣдъ затѣмъ Алла-Куль освободилъ рабовъ своихъ, предписавъ сдѣлать то же всѣмъ домохозяевамъ. Мѣра эта была искренняя, потому что освобожденнымъ велѣно было являться къ Аитову и сообщать ему объ утаиваемыхъ Хивинцами невольникахъ.

Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ городъ Ташъ-Гаузь, а отводъ плѣнныхъ порученъ одному изъ довѣренныхъ лицъ хана. При прощаніи ханъ сказалъ Аитову: «я отдаю русскихъ; если отпустить моихъ купцовъ, то я буду исполнять все, что государь отъ меня требуетъ».

Всѣхъ плѣнныхъ было собрано 416 человекъ; въ Хивѣ осталось только 15, не пожелавшихъ возвратиться на родину, да сверхъ того довольно значительное число бѣглыхъ Татаръ.

Караванъ съ плѣнными и хивинскимъ посланнымъ благополучно

прибыль въ Ново-Александровское укрѣпленіе 30-го августа, а въ Оренбургъ 18 октября.

Въ числѣ возвратившихся оказалось взятыхъ съ Каспійскаго моря 317 человекъ, съ Оренбургской линіи—53, попавшихъ въ Хиву чрезъ Персію—27, да кромѣ того 5 человекъ изъ разныхъ мѣстъ.

Доказательствомъ, что Алла-Куль желалъ искренно примириться съ Россіею и возвратитъ всѣхъ плѣнныхъ, служить и то обстоятельство, что отысканные у Хивинцевъ въ плѣну, послѣ отправленія главнаго каравана, еще 5 человекъ Русскихъ и 2 Калмыка были доставлены въ Оренбургъ въ началѣ 1841 года съ особымъ посланнымъ отъ хана.

Пользуясь благоприятнымъ оборотомъ хивинскихъ дѣлъ, рѣшено было войти въ непосредственныя сношенія съ самимъ ханомъ. Предлогъ былъ вполне хорошій: надо было изъяснить Алла-Кулю удовольствіе государя за возвращеніе русскихъ плѣнныхъ, отплатить за многократные визиты въ Россію хивинскихъ посланцевъ и окончательнымъ письменнымъ актомъ опредѣлить наши отношенія къ Хивѣ.

Поэтому Перовскій, вскорѣ по высылкѣ послѣднихъ плѣнныхъ, представилъ соображеніе объ отправленіи весною 1841 года нашихъ агентовъ въ Бухару, Хиву и Коканъ. Въ Хиву былъ назначенъ генеральнаго штаба капитанъ Никифоровъ.

На посольствѣ Никифорова мы не будемъ останавливаться вовсе, потому что въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года была напечатана объ этомъ статья (*). Скажемъ только, что переговоры Никифорова не имѣли успѣха; миссія наша вернулась въ Россію безъ всякаго результата, а самъ Никифоровъ скончался на пути въ Петербургъ. Изъ бумагъ Никифорова и изъ словъ отправленныхъ вмѣстѣ съ нимъ посланцовъ все-таки было видно желаніе хана сблизиться съ Россіею. Поэтому для приведенія по возможности къ удовлетворительному результату начатыхъ переговоровъ рѣшено было послать, состоявшаго въ то время для особыхъ порученій при Перовскомъ, подполковника Данилевскаго. Самая же миссія была составлена изъ переводчика, натуралиста, двухъ топографовъ, двадцати казаковъ и десяти Киргизъ. (**)

Эта миссія выступила изъ Оренбурга 1-го августа 1842 года. Слѣдуя чрезъ р. Эмбу и Усть-Уртъ, по направленію западнаго бере-

(*) Военный Сборникъ, № 11.

(**) Арх. Д. Г. III. 1842 г., № 42.

га Аральскаго моря, 12 сентября спустилась съ этой плоской возвышенности и послѣ 43 дневнаго похода чрезъ степи вступила въ предѣлы осѣдлой части ханства.

Почетный чиновникъ, въ сопровожденіи 300 всадниковъ, посланныхъ Алла-Куломъ, встрѣтилъ миссію на самыхъ предѣлахъ ханства и сопровождалъ ея слѣдованіе, производя все время ружейную пальбу, въ изъясненіе удовольствія своего Государя. Начиная отъ Ургенга до г. Ташгауза, ханскіе дома служили для миссіи ночлегами и находившіеся при ней хивинскіе чиновники доставляли ежедневно, по приказанію хана, продовольственные запасы, состоявшіе изъ барановъ, сарачинскаго пшена и джугары. Въ г. Ташгаузѣ миссія должна была пріостановиться, по приглашенію хана, находившагося въ то время въ войнѣ съ Бухарою. Агентъ въ отвѣтъ на посланное имъ къ мяхтеру письмо получилъ отъ послѣдняго письменное извиненіе въ этой отсрочкѣ съ приглашеніемъ уважить причины, которыя вынуждаютъ хана отложить съ нимъ свиданіе.

17-го октября миссія выступила изъ Ташгауза въ Хиву по приглашенію хана, переданному начальнику миссіи, нарочно для этого присланнымъ чиновникомъ, который, сверхъ того, имѣлъ приказаніе предложить агенту нашему выбрать изъ двухъ домовъ, назначенныхъ для его помѣщенія въ Хивѣ, тотъ, который будетъ ему болѣе нравиться (*).

19-го числа, не доходя нѣсколько верстъ до Хивы, миссія была встрѣчена выѣхавшими чиновниками, которые проводили ее чрезъ городъ къ приготовленному для нея загородному дому. На другой день агентъ былъ посѣщенъ почетнымъ чиновникомъ, присланнымъ отъ Алла-Кула съ границъ Бухаріи, гдѣ въ то время ханъ еще находился съ своимъ войскомъ.

29-го октября передъ вечеромъ Алла-Кулъ возвратился въ Хиву и на другой день прислалъ поздравить начальника миссіи съ его пріѣздомъ въ ханство, осведомиться о его здоровьи и сказать, что онъ, будучи болѣнъ и утомленъ дорогою не можетъ еще пригласить его къ себѣ. Агентъ, поручивъ благодарить хана за его къ нему вниманіе, далъ замѣтить чиновнику, на котораго было возложено это порученіе, что онъ надѣялся имѣть честь видѣть его высокосте-

(*) Одинъ находился въ городѣ, другой за городомъ; начальникъ миссіи избралъ послѣдній, считающійся лучшимъ изъ всѣхъ ханскихъ домовъ.

пенство въ тотъ же день; и слѣдствіемъ этого отвѣта было немедленное приглашеніе начальника миссіи къ Алла-Кулу.

Послѣ обычныхъ и обоюдныхъ привѣтствій, Данилевскій вручилъ хану чрезъ посредство мяхтера грамоту, а потомъ письмо нашего вице-канцлера и подарки, которые были приняты съ очевиднымъ удовольствіемъ, въ особенности же коляска. Потомъ въ общихъ выраженіяхъ агентъ объяснилъ хану причины своего прибытія, и, ссылаясь на нездоровье и усталость его высокостепенства, уклонился, не смотря на настоянія Алла-Кула, отъ подробнѣйшихъ объясненій насчетъ своего порученія. Приемъ хана былъ чрезвычайно ласковый, и онъ заключилъ аудіенцію, прося Данилевскаго назначать на будущее время, по своему произволу, дни, въ которые онъ пожелаетъ съ нимъ видѣться, предварительно уведомляя его о томъ черезъ мяхтера.

Слѣдующіе дни были употреблены на знакомство съ главными ханскими сановниками: мяхтеромъ, кушъ-бегіемъ и диванъ-бегіемъ и на передачу назначенныхъ имъ подарковъ; къ другимъ же, менѣе значительнымъ лицамъ, агентъ разослалъ отъ себя нѣкоторые подарки. По разнѣнъ посѣщеній, Данилевскій пригласилъ къ себѣ на обѣдъ названныхъ сановниковъ и нѣсколько другихъ важныхъ лицъ, которые, испросивши на то позволеніе хана, пріѣхали къ нему (за исключеніемъ кушъ-бегія) въ назначенный день и очевидно остались довольны гостепріимствомъ хозяина.

Болѣзнь Алла-Кула-хана отерочила второе свиданіе агента до 10 ноября. Въ этотъ день онъ былъ принятьтъ его высокостепенствомъ, вечеромъ, и конференція продолжалась, не смотря на нездоровье хана, около четырехъ часовъ. Агентъ началъ съ того, что объяснилъ удивленіе, которое наше правительство должно было почувствовать, когда узнало, что переговоры, веденные капитаномъ Никифоровымъ и основанные на самыхъ умѣренныхъ и справедливыхъ требованіяхъ Россіи остались незаключенными; тѣмъ болѣе, что смерть капитана Никифорова лишила наше правительство возможности узнать настоящія причины этого обстоятельства; но что между тѣмъ государь, услышавъ отъ хивинскихъ посланцевъ Віязъ-Ніязбая и Ишбай-Бабаева повторительныя удостовѣренія его высокостепенства соблюдать въ отношеніи къ Россіи доброе сосѣдство и согласіе, по неизрѣченной милости своей, соизволилъ, вслѣдствіе этихъ удостовѣреній, повелѣтъ агенту отправиться въ Хиву для окончанія начатыхъ переговоровъ и что нынѣ зависитъ отъ самого хана доказать искренность его намѣреній,

ведя эти переговоры безъ проволочекъ и съ чистосердечіемъ. За этимъ вступленіемъ приступлено было къ изложенію и отдѣльному обсужденію всѣхъ пунктовъ обязательнаго акта. Главнѣйшія возраженія хана состояли: во-первыхъ въ томъ, чтобъ къ каждому пункту было прибавлено, что и Россія съ своей стороны обязывается на тѣ же самыя условія, которыя въ немъ заключались, и во-вторыхъ, въ домогательствѣ, чтобъ пошлина была взимаема въ Россіи съ хивинскихъ торговцевъ по 5% съ цѣнности товаровъ, какъ и въ Хивѣ съ русскихъ купцовъ. Данилевскій, чтобъ доказать хивинскому владѣльцу неосновательность его притязаній, изложилъ очеркъ предшествовавшихъ настоящему времени великодушныхъ дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Хивѣ и вѣроломныхъ поступковъ послѣдней, и, казалось, убѣдилъ хана, который послѣ нѣкотораго размышленія отвѣчалъ: «я сказалъ уже, что желаю быть въ дружбѣ съ Россіей и докажу это, а потому соглашаюсь на ваши слова». Возраженія хана касательно пошлины были продолжительны и упорны, однако, выслушавъ всѣ доводы агента, клонящіеся къ тому, чтобъ доказать невозможность и неумѣстность этого домогательства, ханъ отвѣчалъ, что, соглашаясь съ агентомъ во многомъ, онъ желаетъ отсрочить до другаго разу разсмотрѣніе этой статьи. На это Данилевскій отвѣчалъ, что отсрочка не измѣнитъ ни одного слова изъ того, что было уже сказано. Тогда Алла-Куль присовокупилъ: «хорошо, я не буду брать съ вашихъ товаровъ болѣе пошлины, какъ по 5%, но пусть же российский императоръ узнаетъ о ходатайствѣ моемъ насчетъ моихъ купцовъ». Начальникъ миссіи замѣтивъ, что ханъ, чувствовалъ себя нездоровымъ, откланялся, сказавъ, что на слѣдующій разъ онъ принесетъ письменное изложеніе разсмотрѣнныхъ въ тотъ день статей акта.

При этой конференціи присутствовали мяхтеръ и ходжашъ-мехремъ; но ни одинъ изъ нихъ не вмѣшивался въ преніе, и говорили они только тогда, когда ханъ обращался къ нимъ съ какимъ либо вопросомъ. Вообще всѣ замѣчанія и отвѣты Алла-Куля показывали самобытность въ мнѣніяхъ, смѣтливость соображенія и весьма много здраваго смысла; желаніе же пріобрѣсти пріязнь Россіи просвѣчивалось даже и въ самыхъ возраженіяхъ. Его осанка, звукъ голоса и хладнокровіе, съ которыми онъ велъ переговоры, не лишены были нѣкотораго достоинства и даже привлекательности. Все это вмѣстѣ подавало поводъ агенту надѣяться, что онъ успѣетъ вразумить хана во многомъ и за-

ключить съ нимъ на самыхъ прочныхъ условіяхъ переговоры касательно будущихъ миролюбивыхъ сношеній Россіи съ Хивой. Но къ сожалѣнію это свиданіе было послѣднее. Алла-Кула-ханъ послѣ двѣнадцати-дневной тяжкой болѣзни умеръ 23-го ноября. Сынь его Рахимъ-Кули-Инахъ наслѣдовалъ ему на третій день, т. е. 25 ноября.

Уважаая первыя минуты горести сына и первыя правительственныя заботы новаго владѣльца, агентъ далъ пройти нѣсколько дней безъ всякихъ сношеній съ Рахимъ-Кули-ханомъ; потомъ, узнавъ, что всѣ похоронные обряды были совершены, поручилъ мяхтеру доложить Рахимъ-Кули о желаніи его съ нимъ видѣться и въ отвѣтъ получилъ приглашеніе на слѣдующій день.

При первомъ свиданіи съ Рахимъ-Кули-ханомъ, Данилевскій изложилъ ему цѣль возложеннаго на него порученія къ покойному отцу его и присовокупилъ, что онъ почелъ обязанностью сдѣлать ему извѣстными всѣ подробности его миссіи, дабы ханъ могъ удостовѣриться, сколько для него предстоить очевидныхъ выгодъ, чтобъ при самомъ вступленіи на ханство, пріобрѣсть расположеніе русскаго правительства. Рахимъ-Кули отвѣчалъ, что онъ понимаетъ цѣну благосклонности русскаго императора и поспѣшитъ продолженіемъ прерванныхъ кончиною его отца переговоровъ; а затѣмъ просилъ агента изложить требованія Россіи, предваривши, что онъ уже назначилъ комитетъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, составленный изъ мяхтера, диванъ-бегія, ходжашъ-махрема и бывшихъ при нашемъ дворѣ двухъ посланцевъ для обсужденій статей обязательнаго акта.

Прежде чѣмъ предложить описаніе хода переговоровъ, необходимо бросить взглядъ на царствованіе Алла-Кула и на современное политическое положеніе ханства, чтобы опредѣлить то непосредственное вліяніе, которое оно должно было необходимо имѣть и на самые переговоры.

Алла-Куль царствовалъ 18 лѣтъ. Не имѣя причинъ опасаться мятежныхъ Узбековъ, смирившихся навсегда подъ желѣзною рукою предмѣстника и отца его, Мохамедъ Рахима, онъ обратилъ всю свою заботливость на увеличеніе скуднаго народонаселенія острѣдой части своихъ владѣній и хищническимъ способомъ внезапныхъ нападеній на сосѣдей приводилъ урывками въ исполненіе политику, которой постоянно держался и предмѣстникъ его. Водвореніе въ предѣлы ханства нѣсколькихъ тысячъ Персіянъ, такого же числа Ямишдовъ и Бухарцевъ,

упроченіе власти надъ завоеваніями Махомедъ-Рахима (*) и нѣкоторое развитіе земледѣльческой дѣятельности въ ханствѣ были главными результатами управленія Алла-Кула. Послѣдній набѣгъ его былъ сдѣланъ на Бухару въ концѣ 1842 года и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Однако ханъ возвратился въ Хиву не веселымъ побѣдителемъ, а озбоченный опасеніями возмездія со стороны Эмира-Насыръ-Улы и угрозами персидскаго правительства, требовавшего выдачи своихъ подданныхъ. Казалось, что ханъ, одаренный отъ природы смѣтливымъ умомъ, начиналъ подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ вразумляться въ шаткости своего политическаго положенія и понимать необходимость дружескаго расположенія Россіи. Но смерть поразила его неожиданно и не дала времени завѣщать сыну и наслѣднику своему этотъ новый образъ дѣйствій. Между тѣмъ обстоятельства нѣсколько измѣнились: бухарскій Эмиръ, послѣ многихъ неудачъ, испытанныхъ въ Коканіи, возвратился въ свои владѣнія обезсиленнымъ и поспѣшилъ отправить къ хивинскому владѣльцу посланца не съ угрозами, а съ сговорчивыми и миролюбивыми предложеніями; съ другой стороны, острстки персидскаго правительства не осуществлялись, не смотря на то, что срокъ, назначенный имъ для выдачи плѣнныхъ Персіанъ, давно уже миновалъ. Этотъ благоприятный для Хивы оборотъ обстоятельствъ встрѣтилъ новаго и неопытнаго владѣльца при вступленіи его на ханство и неизбѣжно долженъ былъ поселить въ немъ ложное понятіе о его силѣ и самоувѣренность, которыя не всегда позволяли ему вразумляться доводами и внушеніями о настоящихъ своихъ выгодахъ.

Чтобы понятны были переговоры и возраженія хивинскаго хана, мы приводимъ текстъ обязательнаго акта, составленнаго Данилевскимъ и утвержденнаго подписями съ обѣихъ сторонъ 27 декабря 1842 года.

«Во Имя Всемогущаго и Милосердаго Бога».

«Отъ владѣтельнаго Хорезмскаго Шаха Высокостепеннаго Рахимъ-Кули-Хана данъ настоящий актъ въ томъ, что имѣя искреннее желаніе пребывать въ постоянномъ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ пресвѣтлою и могущественною російскою имперіею, упрочивать пріязненныя съ нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивыхъ и

(*) Махомедъ-Рахимъ-ханъ присоединилъ силою оружія Мерву и Сараксъ къ хивинскому ханству и тѣ племена Туркменъ, которыя кочуютъ на ихъ обширныхъ равнинахъ на западѣ.

добрыхъ сосѣдей, мы обязуемся за себя самихъ, за нашихъ преемниковъ и потомковъ и за все подвластныя намъ племена:

1) «Отнынѣ впредь не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

2) «Не производить и не потворствовать грабежамъ, разбоямъ и захватамъ ни въ степи, ни на Каспійскомъ морѣ; и въ случаѣ если бы таковыя грабежи произведены были подвластными Хивѣ племенами, то предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности.

3) «Не держать въ неволѣ русскихъ плѣнныхъ и отвѣтствовать за личную безопасность и за сохранность имущества всякаго русскаго подданнаго, могущаго быть въ хивинскихъ владѣніяхъ.

4) «Въ случаѣ смерти въ хивинскихъ владѣніяхъ русскаго подданнаго отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ него имущество русскому пограничному начальству для передачи его наслѣдникамъ.

5) «Не допускать бѣглецамъ и мятежникамъ изъ русскихъ подданныхъ укрываться въ хивинскихъ владѣніяхъ, но выдавать ихъ русскому пограничному начальству.

6) «Съ товаровъ, привозимыхъ русскими купцами въ хивинскія владѣнія, взимать пошлину единожды въ теченіи одного года и не свыше пяти процентовъ съ дѣйствительной цѣны оныхъ.

7) «Съ товаровъ, принадлежащихъ русскимъ купцамъ и отправляемыхъ въ Бухару или другія азіатскія владѣнія чрезъ рѣку Сыръ или съ привозимыхъ симъ путемъ обратно никакихъ пошлинъ не брать.

8) «Не дѣлать никакихъ препятствій торговымъ караванамъ азіатскихъ владѣній, идущимъ въ русскую имперію чрезъ предѣлы ханства, взимая однако съ нихъ по закону закятъ.

9) «Поступать вообще во всехъ случаяхъ, какъ подобаешь добрымъ сосѣдямъ и искреннимъ пріятелямъ, дабы болѣе и болѣе упрочить дружественныя связи съ могущественною русскою имперію.

«Во удостовѣреніе чего мы утвердили сей актъ нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной русскаго имперіи, высокородному подполковнику Данилевскому. Данъ въ 1258 году въ мѣсяцъ Мухарремъ».

Надпись на копии съ обязательнаго акта, даннаго хивинскимъ владѣльцемъ.

«Получивъ, для доставленія Его Императорскому Величеству Великому Императору и Самодержцу Всероссийскому, вышеозначенный актъ отъ высокостепеннаго владѣтеля хивинскаго Рахимъ-Кули-хана, я, на основаніи даннаго мнѣ уполномочія, удостоверяю симъ, что во взаимство постановленныхъ въ томъ актѣ условій, могущественная російская держава:

1) «Предаетъ совершенному забвенію прежнія непріязненныя противъ нея дѣйствія хивинскихъ владѣтелей.

2) «Отказывается отъ требованія уплаты за разграбленные до сего времени караваны.

3) «Обѣщаетъ совершенную безопасность и законное покровительство пріѣзжающимъ въ Россію хивинскимъ подданнымъ

и 4) «Предоставляетъ въ своихъ владѣніяхъ хивинскимъ торговцамъ всѣ преимущества, коими пользуются купцы другихъ азійскихъ владѣній.

«Таковое дѣлаемое мною удостовѣреніе подтверждено будетъ письменно доблестнымъ и высокомоющимъ російскимъ государственнымъ вице-канцлеромъ, отъ Высочайшаго Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора и Самодержца Всероссийскаго. Точное же соблюденіе со стороны высокостепенныхъ хивинскихъ владѣтелей постановленныхъ въ вышепрописанномъ актѣ условій будетъ обезпечено личною и собственностью хивинскихъ подданныхъ, могущихъ находиться въ російской имперіи. Данъ въ г. Хивѣ. Декабря 27 дня 1842 года».

Россійскій императорскій агентъ, подполковникъ Данилевскій.

Переговоры по статьямъ этого акта продолжались непрерывно со дня перваго свиданія агента съ ханомъ до 27-го декабря. Излагать во всей подробности ходъ этихъ переговоровъ было бы излишнимъ; но, чтобъ показать общій смыслъ возраженій хивинскаго правительства, достаточно сказать, что они заключались въ слѣдующемъ.

По первымъ четыремъ статьямъ ханъ и совѣтъ его домогались, чтобъ въ этихъ пунктахъ было оговорено, что и Россія съ своей стороны обязывается на тѣ же условія.

Агентъ въ опроверженіе этого домогательства повторилъ то же, что было имъ уже сказано по этому случаю покойному Алла-Кулу.

Относительно 5 статьи изъяснена была недовѣрчивость на счетъ настоящаго смысла ея. Совѣтъ полагалъ, что въ ней заключается какой нибудь посторонній смыслъ.

Агентъ представилъ, что русское правительство не имѣетъ надобности прибѣгать и никогда не прибѣгаетъ къ подобнымъ ничтожнымъ уловкамъ и что каждый пунктъ акта содержитъ въ себѣ именно тотъ смыслъ, который выражается его словами.

По 6 статьѣ ханъ домогался, чтобы съ хивинскихъ товаровъ была взимаема въ Россіи та же самая пошлина, которую наше правительство требовало установить въ Хивѣ, т. е. по 5% съ цѣнности товаровъ.

Въ отвѣтъ на это Данилевскій описалъ всѣ выгоды, происходящія для Хивы отъ торговыхъ сношеній съ Россіей, всѣ бѣдствія, которыя ожидаютъ ее отъ прекращенія этой торговли и представилъ въ доказательство примѣръ тѣхъ годовъ, въ которые Хива по вѣроломству своему лишена была этихъ выгодъ; потомъ объяснилъ, что законъ о пошлинѣ въ Россіи относится до всѣхъ азіатскихъ торговцевъ вообще и не можетъ быть измѣненъ безъ особыхъ уваженій, и что наконецъ въ сложности пошлина, собираемая съ хивинскихъ товаровъ въ Россіи, не многимъ превышаетъ ту, которую Россія требуетъ постановить въ Хивѣ для своихъ товаровъ; ибо по нашему тарифу ввозъ монеты дозволяется безъ пошлинъ, а на драгоценные камни, москотильные товары и лекарственные вещества берется только по 2 к. съ рубля.

7-я статья возбудила всю недовѣрчивость хана и его сановниковъ. Согласившись, послѣ многихъ возраженій, не брать никакой пошлины съ русскихъ товаровъ, отправляемыхъ чрезъ р. Сыръ въ другія азіатскія владѣнія, но подозрѣвая, что настоящій смыслъ статьи состоитъ въ томъ, чтобы отнять у хана право собирать зякаты съ Киргизъ, кочующихъ по Сыръ Дарьѣ (*), они упорно и въ продолженіи многихъ конференцій требовали, чтобы вмѣсто словъ «чрезъ р. Сыръ» было написано «черезъ кочевыя племена, подвластныя хивинскому правительству».

Нашъ агентъ на это отвѣчалъ, что 7-я статья акта относится собственно до пошлины съ русскихъ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Сыръ Дарью и не можетъ быть изложена иначе. Потомъ онъ объяснилъ хану самымъ вразумительнымъ и откровеннымъ образомъ, что

(*) Хивинцы называютъ пошлину зякатомъ, и это слово еще болѣе вводило ихъ въ недоумѣніе.

Киргизъ, подвластныхъ хивинскому правительству, нѣтъ; что со времени Абулхайръ-хана (*) Киргизы присягнули на подданство Россіи, и поэтому не могутъ быть иначе признаваемы, какъ подданными російской имперіи. Если же нѣкоторые изъ нихъ платятъ зякаты соседнимъ къ мѣстамъ ихъ кочевьевъ азіатскимъ владѣльцамъ, то допущеніе такого порядка есть ничто иное, какъ слѣдствіе милостиваго снисхожденія Россіи и нисколько не нарушаетъ правъ ея надъ тѣми Киргизами, что и нынѣ въ уваженіе пріязненныхъ сношеній съ Хивію его величество не лишаетъ хана выгодъ отъ сбора зяката съ Киргизъ, кочующихъ на Сыръ Дарьѣ; но въ то же время надѣется, что его высокостепенство пойметъ, что слишкомъ дальнее распространеніе своего вліянія въ степь было бы несообразно съ изъясвленіями, сдѣланными его отцомъ, хранить доброе соседство къ Россіи и, слѣдовательно, вынудило бы насъ принять строгія мѣры къ огражденію нашихъ подданныхъ отъ насилія соседей.

8-я статья оспаривалась долго самимъ ханомъ, который представлялъ Данилевскому, что, находясь въ войнѣ съ Бухарію, онъ долженъ имѣть право вредить ей всѣми средствами и слѣдовательно препятствовать и ея торговлѣ.

Агентъ въ опроверженіе возраженій хана отвѣчалъ, что сказанное его высокостепенствомъ могло бы быть до нѣкоторой степени справедливо, еслибы препятствіе, дѣлаемое бухарскимъ торговымъ караванамъ, не наносило въ то же самое время вредъ російской торговлѣ; а что допущеніе подобнаго порядка дѣлъ не соответствовало бы пріязненнымъ отношеніямъ Хивы къ Россіи, и къ тому же, добавилъ Данилевскій, что ханъ ведетъ войну съ бухарскимъ эмиромъ, а не съ миролюбивыми кушцами, которыхъ протѣзъ чрезъ Сыръ Дарью не только не наноситъ ему вреда, а напротивъ обогащаетъ его казну законнымъ сборомъ зяката.

Сверхъ означенныхъ пунктовъ обязательнаго акта, агентъ силился вразумить хана о выгодахъ, сопряженныхъ для его высокостепенства въ освобожденіи нѣкотораго числа персидскихъ невольниковъ. (**) Первые по этому предмету переговоры обѣщали полный успѣхъ, потому что ханъ съ убѣжденіемъ слушалъ всегда доводы русскаго агента; но въ послѣдствіи онъ отказался отъ этого, по внушеніямъ своихъ сановни-

(*) Въ 1732 году.

(**) Агентъ ходатайствовалъ объ освобожденіи 1500 семействъ.

ковъ и въ особенности мяхтера, которыхъ эта уступка хана ввела бы въ значительный убытокъ, лишая ихъ большого числа рабовъ, употребляемыхъ ими на разработку ихъ земель. Поэтому ханъ согласился только на освобожденіе находящагося у него около двухъ лѣтъ въ плѣну родственника мешедскаго правителя, Махамедъ-вали-хана, утверждая, что возвращеніе его будетъ имѣть въ глазахъ переидскаго правительства болѣе цѣны, чѣмъ освобожденіе 5 т. человѣкъ.

Конференціи по всемъ этимъ предметамъ происходили отъ 4—6 разъ въ недѣлю, продолжались вообще по нѣсколько часовъ сряду и пренія не разъ принимали видъ самаго жаркаго спора, не выходя однако никогда изъ предѣловъ приличія. Нерѣдко случалось, что послѣ длиннаго засѣданія ханъ и всѣ члены совѣта, убѣждаясь доводами агента, увѣрили его въ совершенномъ согласіи на всѣ его требованія и, слѣдственно, въ окончательномъ рѣшеніи дѣла; а между тѣмъ на другой день возникали новыя сомнѣнія, раждались новыя споры и проволочки и снова нужно было бороться противъ невѣжественной подозрительности Хивинцевъ. Обязательный актъ былъ переписываемъ послѣ всякаго засѣданія и по крайней мѣрѣ до 20-ти разъ, и только 20-го декабря былъ скрѣпленъ ханскою печатью въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ предложенъ былъ съ самаго начала переговоровъ. Обмѣнъ дипломатическихъ документовъ хана съ агентомъ произошелъ вечеромъ сказаннаго числа въ присутствіи всѣхъ членовъ ханскаго совѣта и ханскаго дяди Рахманъ-Берды-Бія. Относительно же представленій агента, чтобы Рахимъ-Кули воздержался отъ слишкомъ дальняго распространенія своего вліянія въ степь, ханъ отвѣчалъ всегда, «что онъ будетъ поступать такъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія нашего правительства».

Рахимъ-Кули-ханъ былъ постоянно внимателенъ къ Данилевскому, въ особенности же во время послѣднихъ конференцій, приглашая его всякій разъ садиться немедленно по пріѣздѣ къ нему; молва объ этомъ отступленіи отъ принятаго обычая, строго не позволяющаго никому кромѣ близкихъ родственниковъ хана сидѣть въ его присутствіи, распространилась весьма скоро по цѣлому городу и произвела сильное и между тѣмъ одобрительное для хана впечатленіе, въ особенности въ торговомъ сословіи. За исключеніемъ мяхтера, обоюдныя отношенія агента съ главными лицами ханскаго совѣта были вообще дружелюбны, съ мяхтеромъ же иногда охлаждались; но въ послѣдствіи, и

въ особенности подь конецъ переговоровъ, возстановились опять на довольно пріязненную ногу.

Въ срединѣ декабря мѣсяца агентъ, видя безпрестанныя проволокы и вкрадывающееся охлажденіе между имъ и мяхтеромъ, и желая, для пользы своего порученія, возбудить прежнюю дѣятельность переговоровъ, отнесся къ хану, во время одного съ нимъ свиданія, съ просьбою позволить всеѣмъ его сановникамъ пріѣхать къ нему въ назначенный имъ день на вечерній столъ и фейерверкъ. (*) Предлогомъ своего приглашенія Данилевскій выставялъ что подобный зовъ сдѣланъ былъ имъ еще при Алла-Кули-ханѣ, и что для этого угощенія назначено уже было 6 декабря, день тезоименитства государя, но что кончина Алла-Кула воспрепятствовала привести это въ исполненіе. Не желая уѣхать изъ Хивы и оставаться въ долгу у сановниковъ хана, онъ возобновляетъ это приглашеніе теперь. Получивъ согласіе хана, агентъ назвалъ поименно всеѣхъ тѣхъ, которыхъ хотѣлъ пригласить, присовокупивъ, что кушъ-бегія не приглашаетъ потому, что тотъ не догадался личнымъ посѣщеніемъ своимъ отплатить за честь, которая была ему сдѣлана самимъ агентомъ, пріѣхавшимъ съ первымъ визитомъ. Это было сказано въ присутствіи кушъ-бегія, который на вопросъ хана: «почему онъ не былъ у агента» смѣшался и отвѣчалъ что-то невнятное.

Въ назначенный день всеѣ приглашенные Данилевскимъ сановники пріѣхали съ своими свитами (**) въ занимаемый имъ домъ. Внутреннее и наружное освѣщеніе дома, въ особенности фейерверкъ, изумили до чрезвычайности всеѣхъ гостей, которые послѣ ужина и полученія подарковъ, состоящихъ изъ сукна и головъ сахару (***) уѣхали съ выраженіями благодарности къ гостепріимству хозяина. Съ этого времени начался, по приказанію хана, цѣлый рядъ званныхъ обѣдовъ въ честь нашего агента и послѣ каждаго изъ нихъ, по уходѣ

(*) Ни одинъ изъ главныхъ сановниковъ не посѣщалъ агента, не испросивъ предварительно на то согласія хана.

(**) Всеѣхъ было болѣе 200 человекъ; одни только сановники были угощаемы въ главной комнатѣ, прочіе же чиновники, состоявшіе въ ихъ свитѣ, размѣщены въ смежныхъ отдѣлахъ дома и угощались подь надзоромъ чиновниковъ миссіи.

(***) Обычай хивинскій требуетъ, чтобъ послѣ обѣда поставлено было предъ каждымъ почетнымъ гостемъ по нѣсколько головъ сахару, смотря по его значенію.

гостей, не принадлежавшихъ къ членамъ комитета, начинались дипломатическіе переговоры.

За день до заключенія переговоровъ и обмѣна дипломатическихъ документовъ Данилевскій былъ приглашенъ къ мяхтеру для прочтенія переписаннаго на-бѣло акта, но еще не скрѣпленнаго ханскою печатью. Услышавши отъ нашего посланника, что редакція акта сообразна съ его требованіями, мяхтеръ поднесъ ему отъ имени хана денежный подарокъ для него и прочихъ лицъ миссіи. Агентъ, не принявши подарка, просилъ мяхтера доложить хану, что онъ вполнѣ цѣнитъ гостепріимное его съ нимъ обращеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ просить позволенія отказаться за себя и своихъ подчиненныхъ отъ этого подарка. Мяхтеръ объяснилъ агенту, что онъ не можетъ доложить объ этомъ хану, ибо его высокостепенство принялъ бы этотъ отказъ за обидное нарушеніе правилъ азійской учтивости. Агентъ на это отвѣчалъ, что онъ весьма далекъ отъ того, чтобы сдѣлать неудовольствіе хану, но все же не приметъ подарка прежде чѣмъ скрѣпленіемъ акта ханскою печатью убѣдится, что его высокостепенство дѣйствительно желаетъ пребывать въ пріязненныхъ сношеніяхъ съ Россіей.

Издержки хивинскаго правительства на содержаніе нашей миссіи были слѣдующія:

Кормовыхъ съ 14 октября по 28 декабря по 44 аббазы (*) въ день	3300 руб. асс.
На наемъ верблюдовъ 50 тилль (**) или	750 — —
Денежный подарокъ начальнику миссіи въ 300 тилль	4500 — —
Денежные подарки по 50 тилль переводчику и натуралисту и 150 тилль на раздачу по усмотрѣнію агента прочимъ лицамъ миссіи	3750 — —
Всего	12,300 руб. асс.

Подарки вещами, состоя изъ мишурныхъ халатовъ всѣмъ лицамъ миссіи и трехъ шашекъ: агенту, переводчику и натуралисту, не могли быть оцѣнены на деньги по неизвѣстности ихъ стоимости; притомъ же эти предметы составляютъ незначительную сумму.

30 октября агентъ получилъ съ нарочнымъ шифрованную дене-

(*) Одинъ аббазъ—1 руб. ассигнац.
(**) Тилля 15 руб. ассигнац.

шу, отъ 14 сентября 1842 года изъ Тегерана, въ которой гр. Медемъ извѣщалъ его, что персидское правительство продолжаетъ снаряжать отрядъ для войны съ Хивою и въ скоромъ времени полагаетъ его направить изъ Мешедъ вмѣстѣ съ частью гератскаго войска на Мерву; но что по настоянію гр. Медема персидскій шахъ обѣщался повременить выступленіемъ войска до полученія извѣстій о результатѣ переговоровъ агента нашего съ хивинскимъ ханомъ касательно освобожденія нѣкотораго числа Персіанъ. Агентъ, продержавши нарочнаго до 14 декабря, отправилъ его обратно къ гр. Медему съ шифрованнымъ отвѣтомъ, что хивинскій ханъ согласился на освобожденіе одного только Махомедъ-валихана, родственника мешедскаго правителя; насчетъ же прочихъ Персіанъ отерочилъ окончательное по этому дѣлу рѣшеніе до возвращенія въ Хиву посланца, котораго онъ намѣревался отправить къ русскому двору вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ.

По заключеніи переговоровъ назначенъ былъ немедленно посланцемъ къ нашему двору Махомедъ-Эминъ, сановникъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и довѣренностью хана. Выборъ этотъ былъ удаченъ, потому что палъ на человѣка, который съ здравымъ разсудкомъ и природнымъ умомъ соединялъ сильное желаніе видѣть Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чуждъ той жалкой хвастливости, которая характеризуетъ всѣхъ Хивинцевъ вообще. По распоряженію хана посланецъ Махомедъ-Эминъ долженъ былъ сопровождать въ Россію Данилевскаго.

Прощальная аудіенція агента у хивинскаго владѣльца происходила 30 декабря вечеромъ. Въ продолженіи ея ханъ долго уговаривалъ Данилевскаго остаться въ Хивѣ до весны, а потомъ упрашивалъ его выбрать возвратный путь въ Россію чрезъ г. Ташгаузъ и Куна-Ургенчъ. Послѣ долгихъ убѣжденій, согласился наконецъ не препятствовать агенту нашему идти на Кунградъ, когда тотъ объявилъ ему, что въ такомъ только случаѣ откажется отъ этого намѣренія, когда услышитъ отъ хана, что его высокостепенство имѣетъ особенныя причины не желать, чтобъ агентъ русскій видѣлъ сѣверную часть его владѣній.

Затѣмъ Рахимъ-Кули просилъ Данилевскаго довести до высочайшаго свѣдѣнія его глубокую признательность за милостивое вниманіе, оказанное въ Россіи ханскому посланцу Сеидъ-Кутубъ-Эдину при проѣздѣ этого послѣдняго изъ Константинополя въ Одессу.

Остальное время аудіенціи ханъ спрашивалъ агента съ внима-

тельнымъ любопытствомъ о членахъ нашей императорской фамиліи и потомъ о нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, преимущественно объ Англичанахъ, изъясняя въ откровенныхъ выраженіяхъ свою къ нимъ недовѣрчивость.

Въ заключеніе разговора ханъ спросилъ агента: «не соизволить-ли нашъ государь повелѣть, чтобъ Ново-Александровское укрѣпленіе было упразднено, въ уваженіе установившихся миролюбивыхъ сношеній между Россійской имперіею и Хивою? Агентъ объяснилъ Рахимъ-Кули, что не имѣя никакихъ повелѣній, касающихся до сего предмета, не можетъ дать хану отвѣта, но считаетъ нужнымъ прибавить, что его высокостепенство не долженъ имѣть причинъ опасаться Ново-Александровскаго укрѣпленія, пока не перестанетъ слѣдовать принятому имъ намѣренію хранить доброе и пріязненное сосѣдство къ Россіи.

31 декабря русская миссія, послѣ трехъ съ половиною мѣсяцевъ пребыванія въ ханствѣ и пяти мѣсяцевъ со дня выступленія изъ Россіи, выступила изъ Хивы.

Направясь на Кунградъ и обозрѣвъ часть устья Амуръ-Дарьи, миссія поднялась на Усть-Урть около ур. Аджибая; перешла кратчайшимъ путемъ эту плоскую возвышенность, вышла на Акъ-Булакъ, большую и малую Хобды и 11 февраля 1843 года, послѣ 43 дневнаго слѣдованія по степи, достигла благополучно кр. Илецкой Защиты.

С. ЗЫКОВЪ,